

Екатерина Барсова-Гринева

ЗВЕЗДНАЯ КОЛЫБЕЛЬ

ПЬЕСА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ФЕДОРОВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ – философ, родоначальник русского космизма, библиотекарь Румянцевской библиотеки.

ДОСТОЕВСКИЙ ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ – писатель.

СОЛОВЬЕВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ – философ и поэт.

ТОЛСТОЙ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ – писатель

ЦИОЛКОВСКИЙ КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ – будущий теоретик космонавтики, космист, ученый, мыслитель.

НЕКРАСОВА ЕКАТЕРИНА СТЕПАНОВНА – писательница, журналистка.

ПЕТЕРСОН НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ – публицист и педагог, последователь учения Николая Федорова.

НИКИТА АВЕРЬЯНОВ – бывший ученик Федорова.

АРИНА – из крестьянок, женщина, потерявшая ребенка.

МАКАР – странник.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В гостинице. Входит Достоевский в страшном смущении. За ним Владимир Соловьев. Он, напротив, спокоен и что-то тихо напевает.

Они садятся за стол посередине комнаты.

ДОСТОЕВСКИЙ. Ну вот и сходили в случайный трактир, который попался нам по дороге... Но ведь это непонятно что!.. Однако какие разнообразнейшие типы и нравы мы там встретили... А все-таки в таких условиях думать о том, что ждет нас по смерти...*(Задумывается)*. Хотя именно в таких условиях думать и надо... *(пауза. Судорожно трет лоб и выговаривает с усилием.)* Вы знаете, я впервые столкнулся со смертью, когда умирала моя первая жена

Маша. Жили мы тяжело, мучительно, то вместе, то врозь, хотя любовь была самая что ни на есть настоящая... И вот когда она умерла... (*Снова трет лоб, потом сцепляет пальцы.*) Я вдруг ощутил присутствие Его... Вечного. Который аз и есмь. Я же всю каторгу пронес Евангелие. Оно было со мной всегда. Здесь на груди... (*Прикладывает руку к груди.*) И вот Маша лежит на столе... и я понимаю, что нам не воскреснуть, пока мы не сможем возлюбить ближнего, как самого себя, по заповеди Христовой. Но возлюбить так, как завещано Им, нам на земле пока невозможно. Наше «Я» препятствует. Только Христос и мог, но Христос – идеал, а мы пока несовершенны. (*Крики на улицах, голоса.*)

А здесь вдруг случается событие странной и чрезвычайной важности. Мне прислали одно письмо о некоем философе, прислал один его последователь и поклонник. С кратким изложением учения. И статейку, тоже краткую. Я прочитал статью и вдруг понял: это же про Машу, про то, что она воскреснет...

СОЛОВЬЕВ. А кто этот философ? Откуда он? Что из себя представляет?

ДОСТОЕВСКИЙ. Пока не знаю. Но он меня чрезвычайно интересует. Надеюсь, познакомиться с ним поближе. Восстановление родства, возвращение нас, блудных детей, в дома отцов – есть первый шаг к чаемому бессмертию... Если общество будет создано по типу Троицы, где не будет вражды, а будет исключительно любовь и согласие, то не будет и смерти... Это было в том письме.

СОЛОВЬЕВ. Это радует.

ДОСТОЕВСКИЙ. Конечно, Владимир Сергеевич, радует. Это хорошо и правильно говорить о том, что воскресение близко и реально... Но меня один вопрос мучает. Как мы все воскреснем, если еще не пришли к пониманию Христа здесь, на земле?.. Какой мир мы воскрешать будем?.. Зараженный ложью и гнилью или мир, где уже будет только совершенная любовь. Когда мы все станем как ангелы. И мне хочется расспросить философа нашего подробнее о мире воскресенных и воскрешающих.

СОЛОВЬЕВ. Я думаю, что смысл воскресения – в любви.

ДОСТОЕВСКИЙ. У меня возник замысел одного романа. О семье. Об отцах... Точнее – об одном отце. Пакостнике и мерзавце. Для своих детей он – искушение великое. Как к нему относиться? Любить или судить? И имеют ли они права судить. Как говорится, кто без греха – кинь камень в неё. Возлюби ближнего как самого себя? Вот где загадка загадок.

СОЛОВЬЕВ. А по-моему, важно не то, что во всяком человеке есть зачатки добра и зла, а то, что в конце концов в каждом из нас пересиливает. Доброе или злое и как это происходит. А к вашему замыслу я отношусь с величайшим интересом.

ДОСТОЕВСКИЙ (*прикладывает руку к груди*). Этот замысел здесь, со мной... (*Пауза.*) И вот я приехал в Москву, чтобы познакомиться с Николаем Федоровым. Я многое возлагаю на эту встречу и надеюсь, что она оправдает мои чаяния и разрешит сомнения. Ну что ж! Пора!

Они уходят со сцены. Раздается вой вьюги...

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната Федорова. Крайне скудная обстановка. Стол, узкий сундук, стул.

Входит деревенский мальчик с корзинкой в руке...

НИКИТА. У вас дверь не закрыта. Здравствуйте... (*Кланяется.*)...

ФЕДОРОВ. (*подходит к нему*). Вечер добрый. Кто вы? Лицо мне кажется знакомым...

НИКИТА. Николай Федорович! Я – Никита. Никита Афанасьевич Аверьянов. Из Богородска... Вы у нас в училище преподавали. Вы еще деньги на лечение моего папеньки давали. Помните? У нас денег не было. А вы нам помогли... Батюшка, бедный, все равно умер. Но мы вашу доброту и заботу всегда помнить будем. Я гостинец вам принес. (*Протягивает корзинку.*) Там пирожки с луком, капустой, брусникой... Моя мама приготовила.

ФЕДОРОВ (*всматривается, потом издает радостный возглас*). Помню. Никитушка. Помню. Как дела у вас? Как здоровье маменьки?

НИКИТА. Маменька болела сильно. Но сейчас уже поправилась. Вот в школе – дела не очень хорошо. Новый учитель строг к нам. Даже слишком. (*Опускает голову.*) Лупцует иногда. (*Шмыгает носом.*)

ФЕДОРОВ. Неправильно это, Никитушка! Я всегда выступал против такого отношения к ученикам. Обращаться с ними нужно бережно и с добротой. Не ругать, а объяснять, если ребенок чего-то не понял. И объяснять до тех пор, пока он не поймет.

НИКИТА. Мы вас добрым словом вспоминаем. Вы всегда занимались с нами после уроков, старались, растолковывали что к чему... Вы помогали нам и

тратили свое жалование на тех учеников, кто жил в бедности. О себе забывали, а о нас – заботились.

ФЕДОРОВ (*грустно*). Вспоминаете – это хорошо. Значит, не забудете...

А скажите, Никита Афанасьевич, каковы ваши успехи на стезе учебной?

НИКИТА. Все что вы говорили, помню. Помню, как вы учили любить свой край родной. Его памятники, церквушки, цветы, которые растут в полях... Вы учили наблюдать то, что нас окружает: снег, ветер, дождь, молнии. Вы говорили, что во всем есть разумность и польза. Дождь усмиряет засуху, снег поля укрывает, спят они до весны под снегом, сил набираются. Я увидел вокруг то, что до этого не видел... А сейчас без вас порой и в школу ходить не хочется. И не я один говорю так. Другие ученики – тоже со мной согласны.

ФЕДОРОВ: Я всегда мечтал о другой школе... (*Взволнованно ходит по комнате.*) Даже не школе, а соединении школы, музея, храма и кладбища. (*Машет рукой.*) Но этого сейчас нет. Учителя превратились в надзирателей, а должны быть педагогами и воспитателями. Живой души в школе нет и поэтому многое рушится... Вот, например, такой важнейший предмет, как история... Это прошлое, которое должно жить в нас, сегодня превратилось в отвлеченное представление о нем. А есть и такие мудрецы, которые уверяют, что будущие поколения не станут даже думать о прошлом из-за наступившего прогресса. История исчезнет, и память будет не нужна, говорят они. (*Горячо.*) Но во что превратится наша собственная жизнь при отрицании жизни наших предков и их воскрешения? Она станет бессмысленной и невыносимой...

НИКИТА. А еще вы говорили, что надо знать историю своей семьи. Я об этом задумался, когда на кладбище сходил весной. Чудно так было! Солнце светит, птички поют, а они лежат в земле – одинокие и холодные. И только я об этом подумал, как сердце мое ёкнуло, словно они мне знак оттуда подали.

ФЕДОРОВ. О тех, кто жизнь нам дал – помнить надо всегда. (*Пауза.*) А что касается школы... Настоящей школа станет тогда, когда в ней не будет разрыва между наукой и верой. Здесь единство будет, Никитушка. Пока же с этим полная неразбериха. Предметы стали как мертвые, и поэтому интереса у вас, учеников, к школе нет. И астрономия здесь очень нужна, обсерватории нужны каждой школе, каждому училищу, чтобы дети небо могли видеть.

НИКИТА (*зачарованно*). Звезды...

ФЕДОРОВ. Вы должны видеть движение звезд и светил собственными глазами. Пока же вы похожи на пассажиров корабля, которые во время плаванья находятся в каюте. А нужно выйти на палубу, на просторы

Вселенной. Наша Земля – всего лишь маленькая звездочка в кругу других небесных светил (*Очерчивает рукой круг. Никита зачарованно смотрит вверх, словно уже видит эти звезды*)...

НИКИТА. Помню, как вы учили смотреть на звездное небо, наблюдать за ним. Вы указывали нам на полярную звезду, и по вечерам мы смотрели, как она остается на месте, а все остальные звезды ходят вокруг нее.

ФЕДОРОВ. Есть и другие звезды, кроме солнца, и другие светила. Мы должны обустроить жизнь в иных мирах, за пределами земной системы. Все должно стать наукой о небе. Нам нужны новые предметы: Небесная механика. Небесная ботаника. Небесная физика. Мы станем небесными физиками и естествоиспытателями... (*Поднимает голову вверх как на картине Коровина.*) Откажемся от участия в гражданско-экономической суете и придём к космической жизни, станем пловцами, пересекающими океан космоса. (*Звучит музыка*) ...

У Никиты слипаются глаза, он засыпает, сидя на сундуке. Федоров подходит к нему,
укладывает на сундук и накрывает одеялом.

ФЕДОРОВ. Устал до Москвы добираться... Да и оказаться в чужом городе – тяжело. Столько верст проехал, прошел пешком...

Федоров садится на стул и пишет на листах, расположившись за маленьким столом. Проходит некоторое время. Никита просыпается, откидывает одеяло и встает.

НИКИТА. Ой, я, кажется, заснул. А мне пора... Матушка ждет. До свидания, Николай Федорович.

ФЕДОРОВ: Приходи еще... Слышишь, непременно... Пирожок на дорожку возьми – мне много (*Протягивает ему пирожок.*) А то обратный путь долгий.

Никита уходит.

Кому-то ведь они нужнее...

Берет корзину и уходит со сцены.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Федоров выходит на улицу. Метель. Слышится недалеко цыганский хор. В углу сидит темная фигура, сгорбившись. Она одета в какие-то лохмотья. Федоров, проходя мимо, спотыкается и чуть не падает.

Фигура издает неясный возглас.

ФЕДОРОВ. Прости-те... (*Подходит ближе.*) Что же вы сударыня сидите на таком морозе. Можете и окоченеть порядком.

Фигура молчит. Федоров делает несколько шагов дальше, потом останавливается и
возвращается.

ФЕДОРОВ. Может быть вам плохо?

ФИГУРА. Иди-те ми-мо...

ФЕДОРОВ. Я могу сударыня чем-то помочь?

ЖЕНЩИНА (*сердито*). Идите же!

ФЕДОРОВ. Вы не можете здесь оставаться.

Цыганская песня звучит громче.

ФЕДОРОВ. Вы из трактира? Вас избили? Обобрали? Скажите же хоть что-нибудь ради Бога! Не может человек сидеть вот так и замерзать насмерть.

ЖЕНЩИНА. Зачем?

ФЕДОРОВ. Как зачем? Я могу вас вызволить из беды... Вы не можете оставаться на улице.

ЖЕНЩИНА. У меня ребенок умер. Мне все равно.

ФЕДОРОВ. Ох, горе какое... Маленький был или уже большой вырос?

ЖЕНЩИНА. Три годика.

ФЕДОРОВ. Кроха совсем. Как же так?

ЖЕНЩИНА. Заболел и умер. Был и нет. И зачем мне жизнь теперь? Муж помер, а теперь и дитя нету.

ФЕДОРОВ. Как зовут тебя?

ЖЕНЩИНА. Арина.

ФЕДОРОВ. Арина, ты верь и надейся. Твой младенец теперь на небесах. У Божьего престола. Он смотрит на тебя и печалится, что его матушка так скорбит о нем. Ему тоже от этого плохо.

АРИНА. Я его живого видеть хочу. Не мертвого. Мне бы его обнять и прижать к себе. А большего ничего и не надо.

ФЕДОРОВ (*садится рядом с ней. Корзину ставит чуть поодаль*). Послушай, Арина! Твой ребеночек обязательно воскреснет...

АРИНА (*не слушая его*). Давеча один проходил мимо, тоже спросил, что со мной. Я сказала. Господин постоял рядом, посокрушался. Сказал: «Не стоит весь мир слезинки хотя бы одного ребенка». Дал деньги – монету (*Разжимает руки и показывает.*) И ушел.

ФЕДОРОВ. (*с негодованием*). И зачем он только деньги дал? Участие важнее. Лучше бы еды накупил. Монету вы можете потерять. Её могут отобрать. Ох уже эти богатеи, откупающиеся деньгами от горя и слез.

АРИНА. Он сказал, что у него тоже когда-то дочка умерла. Сонечка. И он понимает, каково это детей терять. Какая мука тогда на сердце ложится. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Жжет здесь – и все (*Прикладывает руку к груди.*)

ФЕДОРОВ. У меня есть чудесные пирожки Арина. Попробуй. Ты давно ела?

АРИНА. Не помню. Как ребеночек помер девять дней назад – так ничего не помню.

ФЕДОРОВ (*берет за руку*). Как ты исхудала... К врачу надобно бы.

АРИНА. Не надо. Уже не надо.

ФЕДОРОВ (*убежденно*). Послушай, не сокрушайся так. Придет время – и твоего сыночка оживят. Непременно.

АРИНА. Как это?

ФЕДОРОВ. Он воскреснет. Как по Писанию, из мертвых. Помнишь, как Лазарю сказали: встань! Как девице – «Талифа куми». И отверзнутся врата пещеры и отринет пелены погребальные Лазарь из Вифании. Но для этого мы должны постараться. Все вместе... Воскрешение будет совершено с нашей помощью, нашими руками.

АРИНА. Эх, батюшка, куда ты залетел. Не хватил ли лишку, милый? Человек, я вижу, ты сердечный, добрый, но похоже разума у тебя еще меньше, чем у дитя малого. Речи твои больно темны... Как зовут-то тебя?

ФЕДОРОВ. Николай Федорович. Не во мне дело, Арина, с ума я не сошел. Наука со временем шагнет далеко вперед. Научатся оживлять умерших. Ты будешь сидеть рядом со своим почившим ребеночком и улавливать первые признаки жизни. Новой, воскресительной. И тогда его пальчики будут разгибаться. (*Показывает, сжимая руку в кулак, а потом разжимая пальцы.*) Вот так. Первый. Второй, третий...

АРИНА (*как зачарованная смотрит на свою руку и повторяет жест*). Первый. Второй, третий... Эх, батюшка! Хорошо так думать. Но воскреснет

ли? Ты просто видишь мать в горе и сочувствуешь ей. Говоришь слова теплые, утешительные. Спасибо и на том, хоть на минуточку забыть о Ванечке.

ФЕДОРОВ. И другие люди воскреснут. Ты только, милая, потерпи... Недалек тот день, когда жизнь приобретет иной смысл – в воскрешении всех наших предков умерших и всех безвинно погибших. И младенцы с нами воссияют снова.

АРИНА. Терпеть я приучена. До конца дней могу терпеть... Только бы сбылось все то, что ты говоришь. Речи твои складные и сладкие. Даже легче стало.словно ангел какой пролетел.

ФЕДОРОВ (*поднимает ее с земли*). Иди домой, иди... Отдохни, сердешная. Я тебе корзину оставляю. (*Насильно заставляет ее взять корзину*.) Не кручинься...

Он уходит со сцены. Женщина смотрит на свою руку, потом сжимает ее в кулак.

И медленно разжимает пальцы.

АРИНА. Первый. Второй, третий... (*Плачет.*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Федоров сидит у себя дома за столом и пишет. Стук в дверь. Подходит и открывает.

Появляется человек, закутанный в темное. Его лица практически не видно.

ДОСТОЕВСКИЙ (*говорит глухим голосом*). Можно пройти?

ФЕДОРОВ (*в страшном смущении*). Да, пожалуйста. А вы к кому?

ДОСТОЕВСКИЙ. Вы Федоров Николай Федорович?

ФЕДОРОВ. Да.

ДОСТОЕВСКИЙ. Значит, к Вам.

ФЕДОРОВ. Тогда – присаживайтесь. Милости просим.

Достоевский садится на стул и смотрит на Федорова.

ФЕДОРОВ. Простите, сударь. Не могли бы вы снять вашу накидку? Вам, наверное, неудобно в ней.

ДОСТОЕВСКИЙ. Не могу. Болен. Чтобы не заразить вас, накрылся ею.

ФЕДОРОВ. Ну тогда... (*Разводит руками.*) Чем могу быть полезен. И как вас зовут?

ДОСТОЕВСКИЙ (*затинаясь*). Положим, Безымянный Николай Макарович...

ФЕДОРОВ. Странная у вас фамилия, сударь. Мы все чьи-то дети. А тут Безымянный. Впрочем, это не мое дело...

ДОСТОЕВСКИЙ. Я слышал, вы занимаетесь воскрешением людей. Теорию такую модную выдвинули. У нас же любят время от времени разные теории выдвигать. И молодежь сразу воодушевляется, бросается за этой идеей вслед, с горящими головами-то. Не разобравшись толком – что и как. Вот и вы... Воскрешение! Прогрессивно и новомодно! Удивить хотите? Ротшильдом статью?

ФЕДОРОВ. Как странно, что вы Ротшильда упомянули.

ДОСТОЕВСКИЙ. Если вы вашу идейку из теоретической химеры сможете сделать практической вещью, то станете очень богатым человеком. Может быть, превзойдете и Ротшильда. Кто же не захочет отдать последние деньги, чтобы воскресить дитя умершее или супруга любимого... Так вам последние грошики и понесут. А если хватать не будет, на любое преступление пойдут, чтобы своих близких вернуть. Пусть и такой ценой...

ФЕДОРОВ. Ваш отец жив?

ДОСТОЕВСКИЙ (*резко*). Нет, он умер. И я о нем совсем не думаю.

ФЕДОРОВ. Похоже, вы оправдываете свою фамилию – Безымянный. Вы не думаете об отце. Вычеркиваете его из памяти. А значит – из жизни.

ДОСТОЕВСКИЙ. Что вы знаете о моем отце?

ФЕДОРОВ. Ничего, сударь, кроме того, что вы – живы, а он нет.

ДОСТОЕВСКИЙ (*отрывисто*). Он был ужасным человеком, издевался над матерью – этой веселой душой, издевался над ее безусловным и горячим чувством к нему. Оскорблял подозрениями, ревностью, угрюмым и тяжелым характером. А она любила его, была доброй и нежной женщиной... Впрочем, она, как и он, уже мертва. Умерла от чахотки. Он был излишне строг с нами, детьми, доводя нас до страха и тупого подчинения... Да и умер он, стыдно сказать, от руки крестьян. Забили его насмерть за все издевательства над ними...

ФЕДОРОВ (*негромко*). Вы знаете своего отца, а я – нет. И как бы я многое отдал за возможность открытой любви к человеку, который дал мне жизнь. Все искупается перед лицом смерти, безжалостной и беспощадной. Для нее нет ни бедных, ни богатых. Ни правых. Ни виноватых.

ДОСТОЕВСКИЙ. Простите меня, сударь, я, может быть, не вас проверял, а хотел лучше себе одну мысль уяснить.

ФЕДОРОВ. Любовь к отцам – наш первейший долг, а мы о нем напрочь забыли. Мы все чьи-то сыны. Отцы нам дали, точнее – отдали свою жизнь. И теперь мы должны вернуть ее им.

ДОСТОЕВСКИЙ (*сухо и отрывисто*). И как же вы предполагаете это сделать?

ФЕДОРОВ. С помощью науки, которая постоянно совершенствуется. Пройдет время – и мы научимся оживлять людей.

ДОСТОЕВСКИЙ. Стало быть, сейчас у вас ничего конкретного нет? Никаких результатов?

ФЕДОРОВ. Н-нет... У вас какая-то беда?

ДОСТОЕВСКИЙ. Беда... я потерял жену...

ФЕДОРОВ. Сочувствую. Давно?

ДОСТОЕВСКИЙ. Давно. Потерял при крайне несправедливых обстоятельствах. Она не должна была умереть, и все же умерла. Парадокс состоит в том, что мы любили друг друга и все-таки были несчастны. Я даже не знаю, как это объяснить. Я хотел всем сердцем, чтобы она выздоровела, нанимал сиделок. Но Маша все равно умерла... При ее жизни я, как подлец, сошелся с одной молодой девушкой. Натурой живейшего воображения и нервического склада. Она стала моей любовницей... и здесь я тоже виноват...

ФЕДОРОВ. Тем что вы при жене живой? ...

ДОСТОЕВСКИЙ. И это... тоже ... Она настаивала, чтобы я бросил жену и женился на ней. Но я не мог быть таким подлецом. То есть я все-таки подлец, но не до такой степени падения...

ФЕДОРОВ. А кто ее определял, эту степень? Говорят же: не судите и не судимы будете... Кто вы по профессии, сударь?

ДОСТОЕВСКИЙ. Это неважно. (*Возникает пауза.*) Ну, предположим, литератор. Бедный и безвестный.

ФЕДОРОВ. Так это вы, наверное, сударь, Ротшильдом стать мечтаете, в чем меня сейчас укорить пытались? Смотрите на литературу как на средство наживы, считаете: сколько денег вам заплатят с каждой фразы, с каждого слова? Куда уж вам, писателям, думать о священном слове, о смысле и цели жизни!

ДОСТОЕВСКИЙ (*сидит, закрыв лицо руками. Его бьет мелкая дрожь. Он отнимает руки от лица и говорит, чуть заикаясь*). Еще раз прошу простить меня великодушно за то, что я в вас будущего Ротшильда заподозрил. Вы мне ужасно симпатичны и напоминаете одного ветхозаветного пророка, который своим указующим перстом обличал наши мерзости. Но для меня литература не предмет торга, нет. Для меня человек есть тайна. И разгадывать эту тайну я собираюсь всю жизнь. Тут дьявол с богом борется. А поле битвы – сердца людей. (*Пауза. Оглядывает комнату.*) Вы тут живете? Темно здесь и сыро. Как в склепе.

ФЕДОРОВ. Я не жалею. Было бы, где голову преклонить.

ДОСТОЕВСКИЙ. Какой странный оборот принял наш разговор. Меня чрезвычайно разные типы святых интересуют, равно как и злодеев. Ведь злодей иногда фигура более яркая. Авантажная... И почему мы все негодяев больше помним? А какой главный негодяй в мировой истории? Тот, чье имя даже называть без особой нужды не стоит. Тот, кто искушал самого Господа. И как я все это себе представляю... Пустыню, тишину... Он сидит в пустыне один, ему является искуситель и предлагает все богатства мира. Хочешь – и эта ночь твоя будет? Кто бы устоял? А он мог! Мог! У Христа все не от разума идет, а от любви... сердечной...

ФЕДОРОВ. У вас, Николай Макарович, литературный дар несомненный.

ДОСТОЕВСКИЙ. А разве вас не волнуют моменты в *Той Книге* о воскресении. Когда Лазарь встает смердящий или девица больная... (*Резко встает со стула.*) Какие страшные, обнаженные слова. *Талифа куми*. И все. И смерть отменяется. Вот и воскрешение, коего мы все чаем.

ФЕДОРОВ. Воскрешение Лазаря предшествует воскресению Христа. Это чудо, сотворенное Им, волнует нас. Даже сейчас... спустя столько веков... Помните апостола Павла: «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес»? Христос воскрес для воскрешения всех Лазарей, всех умерших...

Какое-то время они стоят и смотрят друг на друга, взволнованные речами.

ДОСТОЕВСКИЙ (*вздрагивает*). Спасибо. Впрочем, жаль, что отнял у вас время.

ФЕДОРОВ. Приходите еще, господин литератор. Буду рад... (*Пауза.*) Сударь там холодно, не простудитесь.

ДОСТОЕВСКИЙ (*кивает и уходит*). Благодарю за беседу. Постараюсь, очень постараюсь не простудиться.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Федоров сидит, работает в библиотеке. Входит молодая женщина.

НЕКРАСОВА. Можно зайти? Тут есть кто-нибудь...

Она не сразу замечает библиотекаря, сидящего за столом. Увидев его, она вскрикивает.

Как вы меня напугали...

ФЕДОРОВ *(сконфуженно)*. Великодушно простите.

НЕКРАСОВА. Ничего... *(С любопытством смотрит на него.)* Вы и есть тот самый знаменитый библиотекарь Федоров?

ФЕДОРОВ. Милостивая сударыня. Никак не считаю себя тем самым и уж тем более знаменитым. Иначе как насмешкою ваши слова и не почитаю...

НЕКРАСОВА. Я не хотела... *(Теперь конфузится она.)* Извините. Вы меня, наверное, не помните?

ФЕДОРОВ. Помню, Екатерина Степановна, помню... Вы проходите и садитесь. *(Хватает стул, потом ставит его на место.)* Нет, лучше другой. Этот не очень удобный, у него правая ножка немного покосилась. *(Берется за другой стул.)*

Некрасова садится на стул и кладет руки на коленях.

НЕКРАСОВА. А я хорошо помню нашу первую встречу. Вас попросили занести мне журнал с моей статьей. Вы пришли... *(Умолкает.)*

ФЕДОРОВ. *(добродушно)*. Вы меня еще за слугу приняли и выслали двугривенный.

Она окончательно конфузится. Федоров спохватывается.

Ради Бога, простите. Рад вас видеть, Екатерина Степановна. Никак не хотел смутить Вас. *(Робко.)* Вы что-то хотели, сударыня?

НЕКРАСОВА. Меня привело к вам дело... Я собираю воспоминания современников о 40-х годах. Занимаюсь жизнью Герцена и Огарева.

ФЕДОРОВ. Тема похвальная... У Герцена есть важная вещь – «Письма об изучении природы». Вы сами решили заниматься или какой научный интерес?

НЕКРАСОВА. У меня есть мечта. Создать маленький музей или кабинет о таких людях. Чтобы о них помнили и не забывали.

ФЕДОРОВ (*оживляется*). Музей – это хорошо. Это память наших предков... А память – противостоит смерти. Через память мы воскрешаем людей мысленно, пройдет время – будем воскрешать и действием. Смерть – зло, которое должно искорениться всем человечеством.

НЕКРАСОВА (*эхом*). Смерть – зло... И несправедливость. Я помню, как умирала моя сестра Варя, Варенька. Светлое и любимое существо... За что? (*Сдерживается, чтобы не заплакать.*)

ФЕДОРОВ. Не надо, Екатерина Степановна.

НЕКРАСОВА. Варенька, закончила Женские врачебные курсы, была одной из первых женщин-врачей. Пошла добровольцем на русско-турецкую войну, работала там в госпиталях и погибла от тифа в 1877 году. Ей было всего двадцать семь лет...

ФЕДОРОВ (*сочувствующе*). Екатерина Степановна... (*Подходит к ней ближе.*)

НЕКРАСОВА (*словно не слышит его*). Я помню. Как мы росли вместе... наши игрушки... любимые куклы... Помню, как мы любили трогать мокрые ветки деревьев после дождя... как любили рассказывать друг другу разные истории, когда мама целовала нас на ночь и уходила, закрыв дверь... Наши истории были такими таинственными и чудесными. Потом мы засыпали. А наутро ничего не помнили.

ФЕДОРОВ. Я глубоко сочувствую вашему горю, Екатерина Степановна.

НЕКРАСОВА (*продолжает, не слыша его*). И вот Вареньки, дорогой моей сестрицы – нет. А я... живу... (*Как будто очнувшись.*) Простите, мой рассказ стал слишком докучен.

ФЕДОРОВ. Благодарю вас за доверие, Екатерина Степановна... И вы всегда можете рассчитывать на меня. Сейчас я подберу вам книги... (*Ищет на полках книги.*)

НЕКРАСОВА. Да-да... (*Встает со стула.*)

ФЕДОРОВ (*протягивает ей подобранные книги*). Вот здесь – то, что вы просили. Потом будут другие труды и издания.

НЕКРАСОВА. Спасибо.

Уходит. Федоров, оставшись один, перекладывает книги с места на место. Видно, что он взволнован встречей. Бережно берет стул и несет его на место. Прижимает к себе, как живое существо. Ставит, издает глубокий вздох и возвращается на место.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Соловьев и Достоевский. Они сидят за столом друг напротив друга.

Перед ними два стакана чая.

ДОСТОЕВСКИЙ. Я виделся с ним.

СОЛОВЬЕВ. С кем?

ДОСТОЕВСКИЙ. С Федоровым. *(Пауза.)* Я пришел к нему с единственной целью: может ли он воскресить Машу. Но он мне ничего не ответил.

СОЛОВЬЕВ. Он... не может?

ДОСТОЕВСКИЙ. Мы с ним говорили долго и глубоко. Мне кажется, я лучше стал понимать, что хочу сказать... в своей новой книге. И это удивительно, когда твои мысли не повторяются, а умножаются. Я увидел в нем родного, близкого человека. Пусть на миг, но увидел. *(Замолкает.)*... Что касается этой благородной и нужной идеи воскрешения... Будет ли оно идти от сердца? Или все-таки от холодного разума? Нет, не возражайте мне. Я знаю, что вы – поклонник Логоса и Софии. Но помилуйте, разум ничто перед огромной живой и настоящей жизнью сердца.

СОЛОВЬЕВ. Я вам рассказывал... как я впервые встретился с Софией... *(Взмахивает руками.)* Это было в египетской пустыне. Я хотел повторить Его путь, удалиться от всех. И вот она явилась передо мной. София. С очами, полными лазурного огня... Я сразу полюбил ее и понял, что в этом спасение человечества... Она – высшая мудрость, которая стоит между богом и земными людьми.

ДОСТОЕВСКИЙ *(делает глоток чая. Морщится)*. Горячо... Послушайте, Владимир Сергеевич! Для Бога не нужны посредники.

СОЛОВЬЕВ. Мы слишком пали, чтобы прийти к Богу напрямую.

ДОСТОЕВСКИЙ *(после паузы)*. Вы помните, Владимир Сергеевич, как мы с вами познакомились?

СОЛОВЬЕВ. Да, помню. Я написал Вам письмо, и вы прислали мне приглашение навестить вас.

ДОСТОЕВСКИЙ *(добродушно посмеиваясь)*. Я еще когда в первый раз вас увидел, так подумал, ну какой же прекрасный молодой человек. Чистый идеал.

(Помолчав.) А потом понял, что до идеала еще пострадать нужно. Для каждого истинного христианина единственно верный идеал – это Христос.

СОЛОВЬЕВ. Ну да, верить в Бога – наша нравственная обязанность.

ДОСТОЕВСКИЙ. Вы говорите о нравственной обязанности, но ведь это есть, есть у нас. Не видели ли вы таких типов в нашем народе: тихи, скромны, для себя ничего не просят, а все для других. Счастье других – вот их идеал и цель! В этом и есть истинная, непоказная религиозность. Нельзя быть оторванным от народа. *(Встает из-за стола, говорит стоя, держась за спинку стула.)* Мы все ищем счастья в других землях вместо того, чтобы обустроить свою. Мы не любим свою землю и не умеем на ней работать.

СОЛОВЬЕВ *(слегка насмешливо)*. С прискорбием вынужден констатировать, что развитие прогресса ведет к концу истории. Даже если методы хозяйствования будут совершенствоваться, мы все равно приблизимся к роковой развязке.

ДОСТОЕВСКИЙ. А задумывались ли вы, почему это так? Потому что нет идеала. Прогресс без идеала приводит к вырождению цивилизации. Если взять высшее совершенство нашей литературы – Пушкина, то что мы можем увидеть... Идеал, выраженный в образе русской женщины. Татьяна – вот чьим именем нужно было бы назвать Пушкину свой роман в стихах. Она вся – порыв к чистоте, истине и любви. ... *(Со слезами.)* Счастье – это высшая гармония духа! Жизнь и счастье невозможно построить на слезах и несчастье другого... *(Раздается тонкий детский плач.)*

ДОСТОЕВСКИЙ *(взволнованно)*. Слышите? Детский плач, слышите? *(Поднимается со стула.)*

СОЛОВЬЕВ. Нет.

ДОСТОЕВСКИЙ. Мне после смерти Сони иногда ни с того, ни с чего детский плач слышится. Не то как напоминание, не то, как знак на грядущее. *(Вздрагивает.)* Я после ее смерти сильно стал о детях беспокоиться. Меня сейчас Алеша очень радует. Любит он у меня на коленях сидеть, часы слушать, которые я из кармана достаю и подношу к его уху *(Показывает, как.)* Тик-так... Тик-так... Пойдемте, Владимир Сергеевич, не будем здесь дольше оставаться... Боюсь, что-то должно случиться, непременно случиться...

Осняет себя крестом и уходит быстро со сцены. Соловьев за ним.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната Федорова. Стук в дверь. Федоров открывает ее. Входит Никита.

В руках у него детская люлька.

НИКИТА. Я опять к Вам.

ФЕДОРОВ. Вижу. Проходи, пожалуйста. Всегда рад видеть.

НИКИТА (*протягивает люльку*). Это Вам... Вы говорили о воскрешении мертвых... вот я и подумал... Воскреснет кто из умерших, проснется аки младенец, и тогда люлька ему понадобится. Где вы ее возьмете? А так она у вас уже готовая будет стоять... Всегда под рукой.

ФЕДОРОВ (*молчит взволнованный ... Ставит люльку сначала в один угол, потом в другой*). Так аккуратно сделана, с любовью...

НИКИТА. Вместе с братом старались. Я делал, он помогал мне.

ФЕДОРОВ. Это хорошо, что ты делал ее не один. И что делал с братом... Совместный труд всегда радость приносит, сближает людей.

НИКИТА. Я пойду в поле и буду работать вот этими самыми руками (*Поднимает руки вверх.*) Как работали мой отец и дед...

ФЕДОРОВ (*немного ворчливо*). Милый, и тем самым нашему графу, Толстому Льву Николаевичу окажешь услугу немислимую. Он же все призывает в поле идти и работать, пахать и сеять.

НИКИТА. И что? Разве это плохо? Если сам граф так говорит...

ФЕДОРОВ. Плохо Никитушка. Ведь что наш граф проповедует? Иди в поле и паши, как скотинка бессловесная. Ни о чем не думай, только паши и сей. А здесь нужно знание. Как регулировать природу. Как сеять правильно. Дождь вызывать вовремя... Так что, Никитушка, учись. А потом уже и в поле выходи.

НИКИТА. Я, может, в город уеду. Там прокормиться легче. Вот и мамка говорит...

ФЕДОРОВ (*грустно-задумчиво*). Города, Никитушка, ловушка для людей неразумных, там только безделушки на потребу публике производят. Так люди трудиться и разучатся, станут стремиться к развлечениям и товарам бесполезным. Ты видел когда-нибудь, как в поле работают?

НИКИТА. Видел.

ФЕДОРОВ. Труд крестьянина воскресителен. Сеешь зерно – взрастает колос. Именно с села и начнется возвращение людей к собственным корням. И помни, Никитушка, никогда труда не стыдись, труд есть высшая добродетель, которая уподобляет нас Богу, сотворившему все из ничего.

НИКИТА. А расскажите мне, как вы раньше рассказывали про звезды всякие. Про небо. Про космос. Я когда в небо смотрю – всегда теперь вас вспоминаю...

ФЕДОРОВ. (*достаёт атлас звездного неба*). Смотри, вот планеты... Сатурн, Нептун, Марс. Когда-то люди освоят их и сделают удобными для житья. Там будут цвести деревья, цветы и колоситься рожь.

НИКИТА. Неужели когда-то на Марсе будут цвести яблони? Вишни. Колоситься рожь... посмотреть бы хоть глазком на это...

ФЕДОРОВ (*с грустью*). Ты может помотришь на это, Никитушка! Непременно...

НИКИТА. Я вас воскрешу... Николай Федорович, ей-богу... И вы тоже все увидите. Честное слово, обещаю вам...

ФЕДОРОВ. Ты главное могилку мою, Никитушка, сохрани. А то, кто знает, развеется по ветру она, и ничего люди не найдут: ни костей, ни праха... Хотя бы прах должен остаться. (*Задумчиво*.) Был в древности такой святой – Григорий Нисский. Он говорил, что душа каждую частичку тела собою отметила. Подумай, Никитушка, ведь даже эти, почти невидимые глазу частицы несут на себе отпечаток умерших, их мысли и чувства... Поэтому так и дороги нам могилки родных, где этот прах уже перемешан с цветами и травами...

НИКИТА. Я помню, как вы говорили однажды, что если даже эти частицы развеются в мире, то все равно они настолько... инди... (*Запинается*.) инди-ви-ду-аль-ны, что притянутся вновь, и тело станет единым. И заколосится снова как рожь в поле.

ФЕДОРОВ. Все-таки, Никитушка, ты хороший ученик.

НИКИТА (*опускает голову*). А мой учитель говорит, что глупый и нерадивый.

ФЕДОРОВ (*с горячностью*). Он ничего не понимает. Ни в школе, ни в учениках. (*Останавливается и смотрит на Никиту*.) Никита Афанасьевич, вы ели сегодня?

НИКИТА. Утром ел.

ФЕДОРОВ. Вот чай на дорожку. И калач еще возьмите!

НИКИТА. А как вам пирожки мамины? Понравились?

ФЕДОРОВ. Наверное, вкусные были. Я их одной женщине отдал, она сыночка своего недавно похоронила. Не ела несколько дней. Я ей корзинку и отдал... Не серчай на это...

НИКИТА. Я видел, как какая-то женщина пробежала мимо вашего дома и хохотала. Чисто сумасшедшая. *(Крестится.)*

ФЕДОРОВ. Говорят, что время лечит... Не лечит оно совсем...

НИКИТА *(пьет чай, ест калач)*. Пойду я.

ФЕДОРОВ. Если будешь в Москве, приходи еще, не забывай.

Никита уходит. Сцена погружается в темноту.

Через сцену проходит Арина с безумным видом... Она делает вид будто качает ребенка. Потом убегает со сцены, разражаясь громким хохотом.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Каталожная Румянцевского музея. Входит Некрасова.

ФЕДОРОВ. Проходите, Екатерина Степановна.

НЕКРАСОВА. Я хотела найти одну книгу. И даже несколько книг.

ФЕДОРОВ. Список есть? Я вам все подберу... *(Протягивает ей книгу, она берет ее в руки.)*

НЕКРАСОВА. Есть. Скажите... мы и правда дойдем когда-нибудь до прогресса? Не до того одичания, что есть сейчас, когда люди разобщены и думают каждый о себе... А все хорошее и светлое тонет во мраке и безнадежности. Иногда просто руки опускаются что-либо делать.

ФЕДОРОВ. Верю, что дойдем, Екатерина Степановна. Для этого нужно братство людей, не показное, а настоящее. Будем братьями – будет и братство.

НЕКРАСОВА. А я вот думаю: хорошо бы перенестись из нашего времени в какое-нибудь другое, где всё уже не так как у нас – лучше и светлее. Где нет страданий, бедности и нищеты. И все друг друга любят, и уважают.

ФЕДОРОВ. И я о том же иногда, Екатерина Степановна, думаю. Только зачем нам этот рай, если мы там будем одни? Надо, чтобы все наши родные тоже там оказались. Дело воскрешения – вот, что может объединить всех людей.

НЕКРАСОВА. Я своего дедушку помню. Как он сдвигал брови, когда сердился и как меня по голове гладил. А все-таки как странно вы говорите... Все воскреснут. И как мы друг с другом общаться будем? Одновременно? Ведь есть такие, кто и не узнает своих предков, ежели они давно умерли...

ФЕДОРОВ. Не знают. А как узнают, так непременно полюбят. Мы же все друг с другом связаны. Тронешь одну нить – отзовется другая. Да и не будет тогда других. Все друг другу братьями станут.

НЕКРАСОВА. (*задумывается*). Но ведь это будет очень нескоро.

ФЕДОРОВ. Почему, сударыня? Все от нас зависит.

НЕКРАСОВА (*ёжится, словно ей холодно*). Вы читали Шопенгауэра? Он сейчас моден.

ФЕДОРОВ. Читал. Его «Мир как воля и представление» следовало бы назвать «Мир как неволя и как проект освобождения от неволи». Шопенгауэр – пессимист и его очень любят наши философы. Пессимизм оправдывает бездействие против зла, а Христос пессимистом не был.

НЕКРАСОВА. Христос воскрешал, но мы-то не можем.

ФЕДОРОВ. Пока не можем. Но можем помнить умерших. Воскрешать их в своей памяти.

НЕКРАСОВА. «О память сердца ты сильнее. Рассудка памяти печальной». Это Батюшков.

ФЕДОРОВ. Вот-вот, дорогая Екатерина Степановна! (*На секунду умолкает, смутившись своей горячностью, но потом продолжает.*) Память сердца – главное... Вот смотрите – пять пальцев, кто из них ближе и родней? Так почему же наши родные умершие нам не так дороги, как те, кто живы? (*Стоят, их разделяет стол. Екатерина Степановна прижимает книгу к груди.*) Каждая песчинка, каждый камешек, каждое дуновение ветра, в котором растворено их дыхание, взывает к нам, к нашей памяти. Как только исчезнет она – все рассыплется... ` Я люблю ходить на могилку к родным. Иногда я разговариваю с ними, и кажется, что они меня слышат.

ФЕДОРОВ. Екатерина Степановна, я так явно вижу, как это будет. Я вижу ночь, тихую и ясную, как ту, когда Он воскрес. Я вижу женщин, кротких и любящих... сестер наших... и сидят они около почивших и улавливают первые признаки жизни новой... Они подобны женам-мироносицам, когда те приблизились к пещере и увидели ангела и гроб пустой... И первые отблески зари воскресения ложатся на их милые лица. Любовь, Екатерина Степановна, сильнее смерти...

Какое-то время они молчат, стоят друг напротив друга взволнованные. За сценой раздаются голоса. Входит Петерсон. У него почти безумные глаза.

ПЕТЕРСОН. Тут наш граф новой статейкой разразился. (*Размахивая газетой.*)
Вот... вот... граф...

ФЕДОРОВ. Извините, сударыня.

НЕКРАСОВА. Ничего... я пойду.

ФЕДОРОВ (*кланяется*). Приходите, Екатерина Степановна. Буду рад помочь.
Приходите.

НЕКРАСОВА (*задумчиво*). Да... да...

Она доходит до края сцены, затем останавливается, услышав голос графа и замирает.

ФЕДОРОВ (*говорит с легкой укоризной*). Ну чего вы ворвались, Николай Павлович, с такой горячностью... В статье что-то новое опубликовано?

ПЕТЕРСОН (*вздыхает*). Новое-старое. Не отстаёт граф от своих воззрений.

ФЕДОРОВ. Смерть страшит нашего уважаемого писателя, но выхода из этого тупика он не видит. Говорит, что смерти или нет, или что она хорошая вещь. Как может быть хорошей вещью «бездонно черная страшная дыра», мешок, куда просовывается и все не может просунуться Иван Ильич, нечеловечески крича: «Не хоч-у-у-у!». Так что же такое смерть для нашего графа? Пустота? Ничто? Страшная дыра? Или хорошая вещь?

ПЕТЕРСОН. На этот раз все еще хуже.

ФЕДОРОВ. Что может быть хуже, Николай Павлович?

ПЕТЕРСОН. Вот газета.

ФЕДОРОВ (*пробегает ее глазами.*) А ведь когда-то мы с ним так хорошо беседовали. У нас были сходные взгляды на культуру, искусство, воспитание. А теперь...

ПЕТЕРСОН (*чуть не плача*). Но ведь я так верил ему... так верил... Я помню, как впервые пришел к нему в Москве вместе с товарищами студентами. Он звал нас работать в народных школах. Я бросил все и приехал в Ясную Поляну. Стал учителем. А потом... связался с теми, кто хотел путем террора и цареубийства встряхнуть Россию и поменять в ней порядки. Мне казалось, что грядет нечто свежее и очистительное... О как я ошибался!

ФЕДОРОВ. Да, Николай Павлович, вы ошибались. И я рад, что вы это признаете.

ПЕТЕРСОН. Признаю, признаю. Но когда я познакомился с вами... Помните, это было в Богородске весной...

ФЕДОРОВ. Конечно, помню. Николай Павлович. Мы оба были преподавателями уездного училища. Вы преподавали арифметику и геометрию, а я – историю и географию.

ПЕТЕРСОН *(горячо)*. Я никогда не забуду, какой глубокий и цельный переворот произошел во мне тогда. Я жил, как во сне, с пеленой на глазах. И тут пелены спали... Савл превратился в Павла. Я понял, что ваше учение, ваши взгляды – это единственно верный путь. Помните, как мы с вами гуляли у реки Клязьмы в леске... весна была ранняя, сухая, и солнце порой светило, как сумасшедшее. И мне было как-то по-хорошему радостно и тепло с вами... Вы были для меня всем... Ваш аскетизм, ваша скромность, ваша помощь ученикам, в том числе – материальная... *(Воодушевляется. Федоров делает протестующий жест, но Петерсон его не замечает)*.

ФЕДОРОВ. Николай Павлович! Оставьте! Такое славословие не делает чести ни вам, ни мне.

ПЕТЕРСОН *(не слыша, все больше и больше воодушевляясь)*. А тот случай, когда тяжело заболел отец одного из учеников, и вы потратили все ваши сбережения на его лечение. Ничего не помогло. Больной умер, и вы продали свой единственный вицмундир, чтобы добыть деньги на погребение. Но тут происходит казус, достойный пера какого-нибудь писателя... Например, Гоголя. Вы приходите на следующий день в училище в ветхой одежде – вицмундир же продан! – и как на грех туда приезжает с инспекцией столичный начальник. Видит вас и негодует из-за вашего бедного вида. Он пытается понять, в чем дело, но вы отмалчиваетесь. И если бы не заступничество нашего директора, то вас бы непременно с треском уволили. Вы понимаете, Николай Федорович, что вы просто настоящий святой!

ФЕДОРОВ *(резковато, пытаясь его остановить)*. Николай Павлович!

ПЕТЕРСОН. Нет, нет, позвольте договорить. Мне жаль и обидно, что так мало людей знают о вас, не сочувствуют вашим идеям, не обсуждают их. *(Вскакивает на стул.)* Я полагаю, Николай Федорович, что о вас должна знать вся просвещенная Россия. *(Размахивает руками.)*

ФЕДОРОВ. Не обо мне речь, Николай Павлович! Знать надобно не обо мне, а о деле, которое Россия призвана исполнить. Собрание народов на дело воскрешения. Но, как я вижу, время для этого пока не пришло.

ПЕТЕРСОН. А когда оно придет? Когда? Все вокруг погрязло в нигилизме. Многие верят Толстому. Он для них кумир. А вы...

ФЕДОРОВ (*закладывает руки за спину и суровее*). Уважаемый Николай Павлович, будьте добры, ответьте мне на один вопрос. Не вы ли написали одному писателю обо мне, меня не спросив и не поставив в известность об этом весьма вольном поступке? Никак не ожидал с вашей стороны.

ПЕТЕРСОН (*опускает голову*). Ну я... (*Слезает со стула и прижимает руки к груди*.) Руководствуясь самыми светлыми и чистыми чувствами. Николай Федорович. (*Чуть не плачет*.) Про-сти-те великодушно...

ФЕДОРОВ. Вы так плохо и нескладно изложили мои идеи, что меня за Ротшильда приняли, посчитали, что я воскрешением торговать стану!

За сценой раздается голос графа. ...

ПЕТЕРСОН. Это он... Наш Толстой... (*Делает движение, словно хочет спрятаться под стол. Потом — шарахается в сторону*).

ФЕДОРОВ. Николай Павлович! Куда вы? Оставайтесь... Прошу...

Петерсон застывает по другую стороны сцены. Как и Некрасова.

Входит Лев Толстой.

ТОЛСТОЙ. Добрый день, Николай Федорович!

ФЕДОРОВ (*не сразу откликается*). Добрый день!

ТОЛСТОЙ. Зашел к вам. Люблю вашу комнату в Румянцевской библиотеке. Зашел и полегче стало... Нужный вы мне человек Николай Фёдорович. Я как будто себя другим рядом с вами чувствую... (*Умолкает*).

Фёдоров молчит.

ТОЛСТОЙ. Получил письмо от своего управляющего. Вспомнил как был летом в усадьбе, общался с крестьянами. Имел дело с разными людьми и понимаю... как важен долг памяти. Ведь я ношу в себе все физические черты своих предков. И всю работу их мысли. (*Садится на стул*.) Нет смерти для меня, если я живу нравственно и смиряюсь с будущей смертью как благодеянием. Тело умрет, а дух мой останется. Разве это не так?

Фёдоров молчит.

ТОЛСТОЙ. Я вот что думаю, Николай Федорович. Жизнь человека, прожитая праведно, – есть уже благо и исполнение Его воли. Таким у меня был Левин из романа «Анна Каренина». Работал на земле, как вы и призываете.

Федоров берет стул и садится напротив.

ФЕДОРОВ. Трудовое усилие человека не может быть сводимо только к узко земледельческому труду, хотя эта деятельность важна и значительна. Человек как соработник Бога должен решать более грандиозные, космические задачи... регуляция природы, отмена голода, воскрешение всех ушедших. Вы обладаете сильным художественным даром, но ваши нравственные установки и отношение к смерти слишком узки и тенденциозны, а потому неверны.

Толстой бросает на него взгляд из-под бровей. Но молчит...

ПЕТЕРСОН. Ой! *(Зажимает себе рот.)*

ТОЛСТОЙ. Вы просто не можете примириться с уходом дорогих вам людей. С тем, что они исчезнут на земле бесследно. Вы верите в науку, в то, что станут извлекать из земли прах и воскрешать людей... На мой взгляд важно не плотское физическое восстановление наших предков, а духовное пробуждение живущих.

ФЕДОРОВ. Я не согласен, Лев Николаевич, с тем, что вы смерть называете «благоденствием». Вы призываете человека подчиниться слепой силе природы, закону пожирания, вытеснения и борьбы. Тогда как даже ягненок убегает от волка, хотя, согласно тому самому закону, о котором вы так печетесь, он должен стать пищей волку. А человек, приняв вертикальное положение, оторвавшись от земли, уже бросает вызов смерти. Мы устремляемся ввысь. К небу. К Богу. Не для того, чтобы пасть жертвой смертных законов.

ТОЛСТОЙ Не горячитесь так, Николай Федорович, прошу Вас.

ФЕДОРОВ. Но это еще не все! Ваша статья в английской газете! Вы пишете о том, что надо отказаться от уплаты налогов, от воинской обязанности, отречься от всей службы, от повиновения законам и распоряжениям. Под видом проповеди непротивления призываете к розни и взаимному истреблению.

ТОЛСТОЙ *(встает со стула)*. Полноте, Николай Федорович.

Петерсон выскакивает на середину сцены. Николай Федоров тоже поднимается со стула.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ *(к Петерсону)*. Откуда вы взялись? Я вас тут не видел! *(Обращаясь к Федорову.)* Давайте пожмем друг другу руки в знак нашего примирения... Николай Федорович, довольно! Не будем сердиться друг на друга...

ФЕДОРОВ *(пряча руки за спину)*. Руки я вам не подам!

ТОЛСТОЙ. Как так, Николай Федорович, будьте добры. Объяснитесь? (*за сценой раздается гул голосов. Служители музея и посетители поражены этим поступком Федорова.*)

Петерсон застывает как вкопанный... Некрасова делает движение, словно хочет подойти к нему, но потом в задумчивости уходит со сцены. Толстой, насупив брови, размашистым шагом покидает сцену. Федоров остается один. В совершеннейшем расстройстве он садится к столу и начинает что-то писать, потом зачеркивает, закрывает лицо руками и сидит в этом положении некоторое время. Кабинет погружается в темноту. Возникает образ звездного неба. Слышен робкий стук. Не услышав ответа, входит молодой человек. Он что-то держит за спиной. Федоров не сразу замечает его... Тот кашляет, пытаясь привлечь внимание.

Библиотекарь поворачивается к нему.

ФЕДОРОВ. Входите, входите! Вы что-то хотите спросить? (*Всматривается.*)
Вы у нас, кажется, постоянный посетитель.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Да...

ФЕДОРОВ. Вам нужны новые книги?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Да... то есть, нет.

ФЕДОРОВ. Как вас понимать, сударь?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Я хотел бы с вами поделиться одной идеей.

ФЕДОРОВ. Разумеется, молодой человек, говорите. Как вас, кстати, зовут?

ЦИОЛКОВСКИЙ. Циолковский Константин Эдуардович.

ФЕДОРОВ. Слушаю вас, Константин Эдуардович.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Я думаю о том, как люди покинут пределы нашей земли и начнут осваивать другие планеты.

ФЕДОРОВ. Весьма замечательная и похвальная мысль. Я и сам об этом думаю.

Сверху спускается космический лифт. Они садятся в него и взмывают вверх. К небу.

Раздается торжествующая музыка.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Смотрите, техника будущего даст возможность одолеть земную тяжесть и путешествовать по всей Солнечной системе. Мы посетим и изучим все планеты. Окружим Солнце искусственными жилищами, для их постройки возьмем материал от астероидов, планет и их спутников. Это даст возможность существовать населению в 2 миллиарда раз более многочисленному, чем население Земли. Вокруг Солнца будут расти и

совершенствоваться миллиарды миллиардов существ, пригодных для жизни в разных атмосферах, на разных планетах... Люди смогут легко переносить жар и холод, резкие и значительные изменения температуры. Будет господствовать наиболее совершенный тип организма. Мы будем жить в эфире и питаться солнечной энергией, подобно растениям. После заселения Солнечной системы начнут заселяться другие. С трудом отделится человек от Земли. Но отделившись, познает иные миры и жизнь в ином состоянии.

ФЕДОРОВ. Мне очень нравятся ваши мысли и рассуждения, Константин Эдуардович. Труд человеческий не должен ограничиваться пределами земли, тем более что таких пределов и не существует. Земля открыта со всех сторон, а средства перемещения и способы жизни могут и должны изменяться. Человеку, когда он сможет воссоздавать себя из первоначальных веществ: атомов и молекул – будут доступны все небесные пространства и все миры. Он сможет жить везде, принимать все формы и быть в гостях у всех поколений.

ЦИОЛКОВСКИЙ (*негромко*). Я рад, что не одинок. ... А то иногда кажется, что я занимаюсь тем, о чем нормальные люди не думают. Я все грежу о полетах в иные миры... Но я думаю об этом не отвлеченно, нет, я думаю об этом вполне реально. Я хочу создать аппарат, который полетит на Луну. И еще дальше...

ФЕДОРОВ. Это же и есть наша насущная задача – освоить Вселенную. Когда-нибудь мы воскресим наших предков и здесь нам понадобятся другие планеты. Видели ли вы когда-нибудь сельский хоровод? А вот теперь представьте себе планеты, которые кружатся в подобном хороводе вокруг Земли. А на них – в свою очередь развернутся как лепестки цветов хороводы воскрешенных поколений. Рад, что ваша мысль идет в том же направлении. Вы – молоды и при определенной настойчивости достигнете своей мечты...

ЦИОЛКОВСКИЙ. Я вот думаю, как человек сможет приспособиться к космосу... Ведь тела мешают. А если мы станем атомами-духами, частицами, наделенными сознанием, тогда просторы Вселенной станут для нас открытыми. Мы будем рождаться из этих атомов-духов, собираться из них... развивать наш разум. И трудиться над этим: активно и постоянно. Атом всегда жив... И если Земли когда-то уже не будет, то атом воплотится на другой планете или других обителях жизни, не менее прекрасных.

ФЕДОРОВ. Значит, мы будем атомами? А как же воскрешение по плоти? Встречи с родными и близкими, уже ушедшими от нас? Ведь чаемое воскрешение тем и дорого, что мы встретим и обнимем всех, о ком печалились и кого вспоминали.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Ничего это не будет ни встреч, ни памяти. Мы будем только атомами, наделенными разумом.

ФЕДОРОВ. Не согласен с вами, Константин Эдуардович. Бог воплотился в человеке, взошел на Голгофу и умер, искупив наши грехи. И воскрес Он, преображенным, тоже в человеческом облике! Какой прекрасный вдохновляющий пример для всех нас! *(Пауза.)* А как, по-вашему, Константин Эдуардович, будет происходить заселение других планет?

ЦИОЛКОВСКИЙ *(достает из кармана модель дирижабля, взволнованно)*. Вот, хотел вам показать...

ФЕДОРОВ. Рассказывайте, молодой человек. Рассказывайте. Я внимательно слушаю.

Циолковский начинает рассказывать. Показывает чертежи. Раздается музыка. Все громче и громче... в небе возникает картина летающих дирижаблей, космических аппаратов....

ФЕДОРОВ. Приходите еще, прошу Вас... Константин Эдуардович... Приходите...

ЦИОЛКОВСКИЙ. Спасибо. Я с вашего позволения хотел бы подарить вам эту модель. Примите в дар...

ФЕДОРОВ. Благодарю, Константин Эдуардович, великодушно тронут.

ЦИОЛКОВСКИЙ. Я очень рад... Благодарю. *(Взволнованный уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Сцена в небольшом лесочке. Виден пригорок. На нем Оптина пустынь...Идут Федор Достоевский и Владимир Соловьев.

Достоевский находится в сильном возбуждении и волнении.

ДОСТОЕВСКИЙ. Вы знаете, я думаю об этом странном совпадении. Я узнал об идеях Федорова, и не успел как следует их прочувствовать, как у меня умирает сын Алеша... Такое страшное, почти мистическое совпадение... Нужно ли говорить, что после этого я еще сильнее стал думать о

воскрешении...*(Соловьев молчит, потом начинает что-то тихо напевать.)*
Спасибо сердечное, что взялись сопровождать меня в этом странствии, милый Владимир Сергеевич! Уж очень вы мне по сердцу пришлись... *(пауза)*. И о чем мы с вами говорить сейчас будем? Конечно, о вопросах предвечных. А о чем еще толкуют русские люди, оказавшиеся на краю бездны... бывает сошлись они, незнакомые прежде, на пару часов, или попутчики случайные в поезде, и говорят не о насущном, видимо текущем, о чем шумят газетные полосы... Вопросы иного порядка волнуют их...Понимаете ли вы это? И здесь, в Оптиной пустыни, эта истина открылась мне...*(Соловьев делает жест, словно хочет что-то сказать, но Достоевский взмахивает рукой.)*

СОЛОВЬЕВ *(напевает громче)*. Вечерний звон, вечерний звон, как много дум наводит он!

ДОСТОЕВСКИЙ *(какое-то время молчит, прислушиваясь, потом продолжает)*. Интересовала меня и проблема детей истязуемых и безвинно погибших, как мой Алеша. Ведь за что его Бог наказал-то. Ответ мне Амвросий дал, только не согласен я с его ответом, и свое мнение по этому поводу имею. А с вами я говорю сейчас, как в последний раз. Если бессмертия человек смертный жаждет, то он должен и мир Божий принимать, а не только самого Бога... *(Пауза.)* И относительно понятий, которые составляют самую суть жизни, у нас существует совершенно превратнейшее мнение. Например, о свободе, равенстве и братстве...

СОЛОВЬЕВ *(перебивает)*. Свобода противостоит необходимости, Федор Михайлович! Ее антипод – насилие и принуждение.

ДОСТОЕВСКИЙ. А сегодня за свободу принимают разнузданность. А ведь настоящая свобода — состоит в одолении себя и своей воли. Мы должны жить по заповедям, иначе природа станет мстить нам. Возникнут катастрофы, войны, эпидемии...А весь нынешний мир полагает свободу в денежном обеспечении. «Будут деньги и все позволено».

СОЛОВЬЕВ. Свобода подчиняется тому, что свято и законно. Каждый из нас должен осознать свой долг и ответственность по отношению к другим людям. Мы должны быть готовы к союзу со всем человечеством.

ДОСТОЕВСКИЙ. Вы говорите прекрасные слова. Владимир Сергеевич! Но говорите, идеализируя человека и его стремление к этой самой свободе. Возможно, наступит день, когда человек захочет променять свободу на хлеба. И тогда страшные времена наступят. Антихрист по земле пройдет, отымая

свободу в полном согласии и без всякого принуждения со стороны заблудших людей ...

Раздается тихая церковная музыка.

СОЛОВЬЕВ. Так согласно библейским пророчествам в последние времена имя Христово присвоят себе такие силы, которые на деле и по существу чужды и враждебны Христу и Духу Его. Дьявол не был бы дьяволом, если бы играл в открытую!

ДОСТОЕВСКИЙ (*с горечью*). И присвоят, и соблазнят малых сих....

(*Пауза.*) В новом романе у меня старик появляется, сам великий инквизитор. Я его также, как Вас вижу... Вижу и Христа, которого он заточил в темнице. И ведут они спор... Мучительный... О свободе... Старик Христа укоряет в том, что он народ хлебами не накормил, не захотел веру купить такой простой ценой. Но ведь Он не хотел лишать человека выбора!

СОЛОВЬЕВ. А выбор в свою очередь должен основываться на внутреннем достоинстве и идеале. Иначе мы будем совершать ошибки. И так раз за разом.

ДОСТОЕВСКИЙ (*задыхаясь*). Но тот, извечный враг Христа уверяет, что нет ничего для человека и человеческого общества невыносимее, чем свобода! А того, кто свободу, истину и любовь обещал, проклинать станут... ненавидеть и проклинать. (*Замолкает. Проводит рукой по лбу.*) Я кажется болен... очень болен... и у меня лихорадка. (*Соловьев стоит и скрещивает руки на груди. Его тень вырастает до зловещих размеров. Чем-то он сам напоминает Великого Инквизитора.*)

СОЛОВЬЕВ. Но ведь бессмертия жаждать — не значит, сей мир оправдывать. И его безобразия.

ДОСТОЕВСКИЙ (*усмехается*). Вот то же самое мой герой говорить будет. В Бога он верит, а в мир — им созданный — нет. А кончается все — поцелуем Христа. И старик, Великий инквизитор вздрагивает, потому что его никто не целовал так... (*Задумчиво.*) И как же в нас уживаются содом форменный и одновременно великая святость?

СОЛОВЬЕВ. Я не верю в черта и не признаю существующего зла вечным.

ДОСТОЕВСКИЙ. Владимир Сергеевич, вы все же зло склонны преуменьшать. Идеализация — вещь хорошая, но также и вредная для души... Из-за этого мы видим все в приукрашенном искаженном свете.

СОЛОВЬЕВ (*негромко*). Почему вы так думаете? И я боролся с разного рода искушениями. И я знал темные стороны жизни.

ДОСТОЕВСКИЙ. Ваши темные стороны, милый Владимир Сергеевич, всего лишь – преддверье жизни настоящей. Ваша София в пустыне – тоже ведь в некотором смысле химера. Идеалы есть и у нас, в нашей русской земле. И разве в Оптиной пустыни мы не видели таких кротких и умильных странников, от которых сердце сжималось? И ты вдруг неожиданно, понимаешь: вот оно! То самое – о чем мы так горячо спорили и говорили. Смысл жизни – христианской и кроткой – не умничать. Не воспарять разумом так далеко, что сердце остается в одиночестве.

СОЛОВЬЕВ. Вы говорите так, словно я недооцениваю силу любви... А ведь благодаря ей мы восстанавливаем Образ Божий: как в любимом нами человеке, так и в себе. Любовь не может быть чисто плотской или чисто духовной. Она есть начало воплощения истинной человечности.

ДОСТОЕВСКИЙ (*слегка грассируя, с легкой насмешкой*). Какие кр-рра-сивые слова. Владимир Сергеевич. Ну продолжайте, продолжайте. Мне ваши взгляды весьма любопытными кажутся...

СОЛОВЬЕВ. Духовная любовь есть такая же аномалия, как и любовь исключительно физическая, то, что мы называем житейским союзом. Истинно духовная любовь не отрицает плоть, она способствует перерождению человека, спасению и воскресению. (*Говорит, волнуясь и размахивая руками.*)

ДОСТОЕВСКИЙ. И каким путями вы собираетесь этого достигнуть? Я пытался говорить об этих вещах – сложных и запутанных в своих «Белых ночах», «Униженных и оскорбленных»... Эта возвышенная идеальная любовь не выдерживает столкновения с действительностью. Что и приводит к трагичному финалу.

СОЛОВЬЕВ. Разбиться может то, что от нашего мира, но любовь, которая зиждется на вере, разбиться не может. Благодаря любви мы преображаемся уже здесь на земле. Здесь и сейчас...

ДОСТОЕВСКИЙ (*слегка раздраженно*). Не умничайте... Прошу вас! Любовь имеет много разных ликов и образов. Иногда она состоит в том, что вы называете «размножением». (*Прикладывает руки к груди.*) Я не хотел обидеть вас, Владимир Сергеевич! Вы мне дороги и симпатичны... (*Взволнованно.*) Какая ночь! Владимир Сергеевич. Только посмотрите! Не хочется думать о смерти, тлении и забвении. Я после нашей поездки хочу еще раз непременно к Федорову пойти. Эти мысли о воскрешении буквально тревожат меня...

СОЛОВЬЕВ. Воскрешение Христа – это победа доброго начала жизни. Мы помним об этом и ждем, что в будущем воскреснем мы все.

(декламирует). Да! С нами Бог, – не там, в шатре лазурном,

Не за пределами бесчисленных миров,

Не в злом огне и не в дыханьи бурном,

И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь, теперь – среди суеты случайной,

В потоке шумном жизненных тревог.

Владеешь ты всерадостною тайной:

Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог.

ДОСТОЕВСКИЙ *(задумчиво)*. Все так, милый Владимир Сергеевич. Все так...И еще... Я все время думаю о своем новом романе. В нем я буду проповедовать любовь, которая не пройдет вовеки, и мы все ею спасемся. Ведь говорят же: возлюби ближнего как самого себя. А любить себя и другого надо всегда.-Потому что мы созданы по образу и подобию Божиему. А ежели не любишь в себе образ Христов, значит не любишь ни себя, ни Христа. *(Пауза. Говорит отрывисто.)* Я постараюсь передать во всем ощущение тайны... тайны... странной, болезненной, не постигаемой умом. А только каким-то сверхчувствительным знанием, где главный и первый советчик – сердце. И через любовь дается эта тайна великая...

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ *(поет)*.

Смерть и Время царят на земле,

Ты владыками их не зови;

Всё, кружась, исчезает во мгле,

Неподвижно лишь солнце любви.

ДОСТОЕВСКИЙ *(у него неожиданно брызнули слезы)*. Как же вы хорошо сказали, что смерть и время не навсегда. И только солнце любви освещает нам путь. Я сейчас вспомнил их всех... И Аню. И Полю. И Машу... и даже родителя своего недостойного вспомнил. И его я тоже люблю. И как прав

милый Николай Федорович, говоря о том, что надо все познавать и все воскрешать. Мне эта идея кажется грандиозной задачей для русского духа... русского народа с его всемирной отзывчивостью. Показать в воскрешении предков пример для других европейских народов и не только для них... Но я сейчас *(Задыхаясь.)* Аню вспомнил. И хочу к ней... Она, бедная, ждет меня. И об Алеше так плакала, убивалась... пойдете же, пойдете... *(Увлекает Соловьева со сцены, и они быстро уходят.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Входит Арина. Она выглядит как безумная. Волосы спутаны, ноги босые, одежда – ветхая. Оглядывается вокруг с испугом. Потом, увидев, что никого нет садится на землю, раскрывает книгу и начинает читать распевно.

АРИНА. «Поведай мне обо всем, на земле сущем». И ответил ей Михаил: «Что просишь, Благодатная, я все тебе расскажу». И спросила его Святая Богородица: «Сколько мук, какими мучится род христианский?» И ответил ей архистратиг: «Не назвать всех мук». Попросила его Благодатная: «Расскажи мне, какие они на небесах и на земле?» *(Откладывает книгу. Достает из-за спины нож, смотрит на него. Слышит чьи-то шаги, прячет нож за спину.)*

Входит мужик с котомкой.

МУЖИК. Здорово! Я думал, здесь никого нет...

АРИНА *(равнодушно)*. Чего тебе надо? Проходи мимо, не задерживайся...

МУЖИК. Я Макар... Иду издалека, а ты что тут делаешь?

АРИНА. Живу.

МАКАР. Разве в лесу живут? Али ты зверь дикий какой.

АРИНА. Оставь меня.

МАКАР. Я смотрю ты голодная наверное... И больная, судя по твоему виду. *(Развязывает котомку и достает оттуда кусок хлеба.)* На, поешь...

АРИНА. Не хочу.

МАКАР. Так ты, матушка, Богу душу отдашь.

АРИНА. А тебе на что?

МАКАР. Как на что? Не могу я мимо человека страдающего пройти.

АРИНА. А ты проходи, проходи, мил человек, сделай милость.

МАКАР (*подходит ближе с некоторым испугом*). Ты что и вправду помереть хочешь?

АРИНА. И не спрашивай! (*Отворачивается.*)

МАКАР. Э... милая... что у тебя в руке? Покажи!

АРИНА. Отстань!

МАКАР. Нет ты давай, давай, покажи... (*Силой отнимает у нее нож.*) Совсем нехорошо делаешь, матушка, ты чего, сердешная...

АРИНА (*плачет*). У меня ребеночек помер... вот я и хочу уйти вслед за ним. Приехала сюда в место Божие, думаю, полегчает немного. Сюда все сирые и плачущие тянутся. Я даже одного человека здесь увидела, который мне монеты подал, когда я милостыню просила. Слышала, что он тоже сыночка потерял. Алешу. Но он меня не узнал, взгляд, как нездешний, затуманенный. Поговорила я с отцом святым, душа успокоилась немного. А теперь опять... Кручинится она и тоскует. По дитю безвременно ушедшему... и мается, и места себе не находит...

МАКАР (*достает из котомки икону*). На возьми. Это для меня самая дорогая икона...

АРИНА. Зачем ты мне ее даешь?

МАКАР. Чтобы она тебя оберегала. У меня брат-близнец умер ... десять лет назад. Как случилась смерть, так мне тошно стало. И пошел я странствовать по Руси-матушке. Хожу без остановок, всему радуюсь. На все смотрю... Как Божий мир каждый день заново расцветает и все к солнцу, к Богу тянется. (*Часто-часто крестится и напевает что-то из церковного песнопения.*) И ты помолись. Легче станет.

АРИНА. Я молюсь. Но сердце у меня как мертвое.

МАКАР. А ты так хорошо читала...

АРИНА (*снова раскрывает книгу и читает. Макар садится рядом*).

В другом месте она увидела тьму великую, и спросила Святая Богородица: «Что это за тьма такая и кто находится там?» И ответил архистратиг: «Много душ пребывает в том месте». И сказала Святая Богородица: «Пусть разойдется тьма, чтобы видела я и те мучения». Ангелы, стерегущие их, отвечали: «Сказано, что не увидят они света, пока не явится твой благодный Сын, светлее, чем семь солнц». Огорчилась Святая Богородица, подняла на ангела свои глаза и, взглянув на невидимый престол Своего Отца, сказала: «Во имя

Отца и Сына и Святого Духа пусть рассеется тьма сия, чтобы я видела это мучение». И распалась тьма, и показалось семь небес, и было тут множество народу, мужей и жен, и доносился вопль сильный и плач...

МАКАР (*берет книгу и читает*). Прорекла это Святая Богородица, и снова застлала их тьма. Архистратиг спросил ее: «Куда хочешь теперь, Благодатная, на юг или на север?» И ответила благодатная: «Пойдем к югу». Тогда повернулись херувимы и серафимы и четыреста ангелов, привели Богородицу на южную сторону, где протекала огненная река, там было множество мужей и жен, все погружены в реку — одни до пояса, другие до подмышек, третьи по шею, а иные с головой.

За сценой раздается церковное песнопение. Сначала оно звучит громче, потом – тише.

АРИНА (*читает*). И сказала Пресвятая архистратигу: «Единственную молитву обращаю к тебе, чтобы и я могла войти и мучиться с христианами, потому что они назвались чадами сына моего». И сказал архистратиг: «Отдыхай в раю». И ответила Пресвятая: «Молю тебя, чтобы ты позвал воинство семи небес и все воинство ангелов для того, чтобы помолиться за грешников, и пусть услышит нас Господь Бог и помилует их».

АРИНА И МАКАР (*читают вместе в унисон*). И сошел Господь с невидимого престола, и его увидели сидящие во тьме, и возопили в один голос, говоря: «Помилуй нас, Сын Божий; помилуй нас, царь всех времен». И сказал Владыка: «Слушайте все. Я рай насадил и создал человека по образу своему, и сделал его хозяином рая, и дал им вечную жизнь, они же ослушались и в своем желании согрешили, и предались смерти...

АРИНА (*захлопывает книгу и манит его пальцем. Шепчет на ухо*). А мне один человек говорит, что вскоре все воскреснут. И мы сами будем участвовать в этом воскресении, каждый до единого.

МАКАР. Правильно он говорит.

АРИНА. И ты веришь!

МАКАР. И я! А как зовут этого человека?

АРИНА. Николай Федорович. ...

МАКАР. А фамилие?

АРИНА. Не знаю я фамилие его.

МАКАР. Светлый человек он, помолюсь за него... (*Встает. Арина тоже поднимается. Макар кланяется ей в пояс.*) Пошел я, матушка, не поминай лихом, иногда вспоминай раба Божия Макара.

АРИНА. Уходишь уже?

МАКАР. Да...

АРИНА (*прижимает икону к сердцу*). Ну прощевай!

Макар целует ее в лоб и крестит. Он уходит со сцены. Арина смотрит ему вслед.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната Николая Федорова. Стук в дверь. Федоров ее открывает. Входит Достоевский. За окном бушует непогода: дождь и молнии.

ФЕДОРОВ. Проходите, я вас узнал. И я ждал вас. Вы Достоевский Федор Михайлович. Я вспомнил ваш портрет в журнале.

ДОСТОЕВСКИЙ. Инкогнито сохранить не удалось...

ФЕДОРОВ. Я весьма рад, сударь. Не сердитесь на меня, пожалуйста, за разоблачение вашей тайны.

ДОСТОЕВСКИЙ. Я? Сердиться? О нет. Я пришел, впрочем, почти случайно. В прошлый раз я пришел к вам с просьбой – воскресить Машу, но вы сказали, что науке это пока недоступно. И я не хотел отнимать ваше внимание. Но проходя мимо вашего дома, подумал: зайду. ...

ФЕДОРОВ. Я рад, рад... Проходите. Располагайтесь. Как вам будет удобно.

Достоевский проходит и садится за стол.

ДОСТОЕВСКИЙ. Я хотел вам задать один вопрос. Пустяковый в сущности (*Смущенно кашляет в кулак.*) Но ведь от него зависит так многое... А как вот вы, лично представляете себе это воскресение? Не скажет ли человек: я свое уже отстрадал и больше не хочу мучиться?... Не хочу проживать все заново?

ФЕДОРОВ (*задумывается и какое-то время молчит*). Каждый человек нам нужен здесь, для любви... Мы помним его и ждем. Ждем всегда. И как можно отказаться от того, чтобы детей своих снова увидеть и внучат малых. И приласкать всех и полюбить всех заново... Как в первый раз.

ДОСТОЕВСКИЙ. Я понимаю мысль вашу. Но вот он лежит смиренный, уста уже давно охладели и очи закрыты. И не видит он никого. И как он воскреснет. Как?

ФЕДОРОВ. Я думаю, что воскреснуть поможет женщина... Ведь жены мироносицы первыми Христа увидели и свидетельствовали об этом. Так и женщина будет сидеть рядом с почившим и улавливать первые признаки пробуждения. Первые весточки.

ДОСТОЕВСКИЙ (*взволнованно*). И это – хорошо. У женщин все с будущим связано, с жизнью вечной. Я поэтому и воскресил бы первой свою жену умершую. Машу... Ее, а потом мою дочку. Соню. (*Вскочил со стула и взволнованно ходит.*) А все-таки странно, что Он допускает это. Я понимаю... взрослый крепкий мужчина, но дите безвинное... как оно все эти муки претерпевает. Вот Соня наша... Когда она умирала – думал, что с ума сойду... Только что она была, радовала нас с Аней... Мы тогда в Швейцарии жили... Как я радовался, смотря в ее ясные глазки. И вдруг они угасли... И когда ее гробик в могилку опускался... (*Плачет, утирая слезы рукавом.*) Ангел безвинный...И недавно мальчик мой, Алеша, умер. Я в Оптину пустынь ездил... сердце утешить... И после этого еще сильнее вашей мыслью проникся. О воскрешении. Когда Сонечка наша умерла, помню, что, утешая, мне говорили: будут у вас еще дети. А я думаю: ну зачем мне другие, даже самые пригожие и славные дети, мне именно Соня моя нужна. Соня как она есть... а теперь Алеша... Мне ваша теория ужасно необходимой и симпатичной кажется, Николай Федорович, и я так рад, что довелось познакомиться с вами... Ведь тогда цель в жизни появляется – столь ясная, что каждый христианин к ней стремиться должен. Воскресить родственников своих. (*Кашляет и умолкает*).

ФЕДОРОВ. Если бы еще наука могла нам здесь помочь.

ДОСТОЕВСКИЙ. Вы о науке. А я о вере... О той вере, что с горчичное зерно, но сдвигает горы... Хотя вы правы. Наука здесь нужна будет новая. И новые пути она нам укажет. (*Пауза.*) Ваши мысли мне весьма близки. Более того – я их почитаю за свои.

ФЕДОРОВ. Здесь мы все соработники Бога и соучастники в великом деле воскрешения. Видите ли сударь, конкретных сроков у меня – нет. Но это от нас зависит, насколько мы будем все познающими. Насколько деятельны и неутомимы в этом познании.

ДОСТОЕВСКИЙ (*горячо*). Я чувствую, что нас впереди могут ждать потрясения великие. И воспрянут бесы, которые будут стараться повязать всех кровью и преступлением. На крови все разрушится и ничего не построится.

ФЕДОРОВ. Так будет если мы останемся обществом блудных сынов. Но ведь блудный сын в конце концов вернулся в дом Отца своего. Так и мы можем опамятоваться. Можем жить по законам эгоизма, борьбы всех против всех. А можем стать обществом по образу и подобию Троицы, где не будет ни борьбы, ни соперничества, а только любовь и согласие. Вспомните Первосвященническую молитву Спасителя: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино...»

ДОСТОЕВСКИЙ. Я когда-то хотел написать статью «Социализм и христианство». И знаете, с каких слов ее начал: «Бог есть идея человечества собирательного, массы, всех...». Да, в Царствии Небесном мы будем лица, не переставая сливаться со всем. Но ведь нужно, чтобы так было и на земле.

ФЕДОРОВ. Чтобы так было, наша первейшая задача – преодолеть смерть, которая никак не способствует единству. Одни из нас живы, другие мертвы, и связь наша разрушена самым противоестественным образом...

ДОСТОЕВСКИЙ. Согласен, согласен совершенно. Связь должна быть здесь на земле – единая и неделимая... И тогда ад победится, тот ад, в котором мы пребываем, когда эгоистично насыщаемся ближним. Тогда все перегородки рухнут... мы обнимем друг друга и возопием: «Боже, как же долго мы были слепы и немы. А теперь хотим страдать и жить для другого. Не для себя».

ФЕДОРОВ. Я и говорю об этом... Об общем деле... когда не для себя и не для других, а со всеми и для всех...

ДОСТОЕВСКИЙ (*поднимается со стула. По бокам сцены появляются Макар и Арина. Они стоят и слушают Достоевского.*) Я писал в своем романе «Подросток» о «живой жизни», нескудной и веселой. И эта «живая жизнь» – нечто до того простое, что мы никак не можем поверить, чтобы оно было так просто и поэтому проходим мимо вот уже тысячи лет, не замечая и не узнавая. Но ведь это – та истина, свет и красота, воплощенная в Христе, мимо которой и проходят люди.

ФЕДОРОВ. Наша жизнь должна быть для возвращения жизни тех, кого уже нет.

ДОСТОЕВСКИЙ. Милый, милый Николай Федорович! Я за эту минуту так многое отдам. Вы мне душу вынули, показали ее в язвах и рубцах. Я понял: куда я иду и что пытаюсь сделать – в идеале небо с землей соединить. Я верю

в русского человека. в его характер. И залог тому – художественный гений Пушкина. Наша история. Наши даровитые люди.

ФЕДОРОВ. Мы не должны считать, что Пушкин сказал свое последнее слово. Мы должны развивать его мысли дальше. Только тогда мы можем сказать, что действительно чтим его память и творчество.

ДОСТОЕВСКИЙ. Жил бы он дольше – тогда явил бы миру великие образы души русской, которые бы поняли наши европейские братья, разъяснил бы им все стремления наши. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном расцвете своих сил и унес с собою в гроб великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем.

ФЕДОРОВ. Поэт, которые поставил вопрос: «Жизнь зачем ты мне дана?» уже за это должен быть почитаем и любим. Это не абстрактный гуманизм. А самый что ни на есть настоящий, конкретный. Нынешнее увлечение Пушкиным надо бы употребить на раскрытие цели жизни, думать о тех «временах грядущих, когда народы распри позабыв в великую семью соединятся».

ДОСТОЕВСКИЙ. Я верю, что в грядущем русские люди поймут – уже все до единого, что стать настоящим русским – значит призвать к великой общей гармонии по Христову евангельскому закону все народы земли! Знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что их высказал. И если мы идем за Христом и стараемся быть подобными Христу...

Раздается разряд молнии. Достоевский падает на пол. У него конвульсии. Федоров бросается к нему. Бросаются к нему Макар и Арина За окном – непрерывные молнии. Все склоняются над Достоевским. В сцене – есть нечто библейское, вневременное. Достоевский вскрикивает и замирает. Раздается тихая музыка.

Достоевский медленно приходит в себя. Арина и Макар покидают сцену.

ДОСТОЕВСКИЙ. Что это было? Как сон?

ФЕДОРОВ (*смущенно*). Все в порядке, сударь. Вы просто были несколько нездоровы, но сейчас вроде все прошло. Как вы себя чувствуете?

ДОСТОЕВСКИЙ (*поднимается*). Хорошо. Только слабость сильная. Нет-нет, вы не беспокойтесь. Я дойду до гостиницы. И не надо меня провожать. Благодарю за беседу. И простите за невольное беспокойство, которое я вам причинил. (*Уходит со сцены.*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

В каталожной Румянцевского музея. За столом сидит Федоров. Входит Некрасова.

Её голова покрыта платком.

НЕКРАСОВА. А я к вам из церкви... Была на литургии. (*Стягивает платок с головы.*) Хорошо здесь у вас, как в храме... (*Подходит к полке... На ней стоит скульптура: изображение скульптора с каменной глыбой, из которой он высекает фигуру прекрасной девушки. Читает надпись вслух.*) Мастер и его муза.

Они молчат... Раздается тихая музыка.

ФЕДОРОВ. Это мне из запасников принесли и поставили сюда на время. Я читал пояснение об этой скульптуре. Художник создал это произведение в память о своей любви.

НЕКРАСОВА (*трогает рукой скульптуру*). Какая... красота, сила... мощь...

ФЕДОРОВ. Любовь, создавая это произведение не прошла бесследно. Она воплотилась в искусстве...

НЕКРАСОВА. Любовь составляет счастье жизни, особенно для женского привязчивого сердца, которое ищет утешение и радость в семейном круге, в близких и родных.

ФЕДОРОВ. Найти счастье в любви – это значит обрести счастье одного при несчастье всех. Это значит, не встать выше своего века, не имеющего даже малейшего понятия о смысле жизни. Я недавно говорил с одним нашим писателем о Пушкине, о том, что ответом на радикальный вопрос, поставленный им: «Жизнь зачем ты мне дана?» может быть исключительно наше участие во всеобщем воскрешении. Жить не для себя одного, а со всеми и для всех.

НЕКРАСОВА. Бывает так, что женщина испытывает разочарование, и ее сердце становится закрытым для всего. (*Запинаясь.*) Даже для любви.

ФЕДОРОВ. Мне кажется, утешение можно найти в полезной деятельности. Служение людям возвышает и очищает душу. Собственные разочарования и горести становятся тогда не столь важными. Разочарование пройдет. И женщина встретит еще свое счастье... (*Пауза.*) Но она может полюбить и другого. Того, кто любит ее всем сердцем и душой... Любит и ждет, и каждый ее приход для него – отдохновение души...

НЕКРАСОВА. Любовь как милость?

ФЕДОРОВ. О нет! Любовь не может быть милостью. Только со-творчеством. Со-устремлением... Сказано же: двое становится одним... И если бы... только подумайте, хотя бы и на одну минуточку... что тогда любовь обретает крылья. Вдохновение, питаемое такой любовью, создает бессмертные произведения, возвращает к жизни умерших – сначала с помощью памяти и искусства. А потом и в реальности, по-настоящему... *(Кладет свою руку на скульптуру, на то место, которого касалась она. Его пальцы чуть дрожат. Он говорит глухим, надтреснутым от волнения голосом.)* И тогда крылья нашей души сделаются телесными крыльями...

НЕКРАСОВА *(какое-то время молчит)*. Я благодарю вас за все, Николай Федорович. *(Кланяется.)* Провожать не надо. Прошу вас *(Снова натягивает на голову платок.)*

ФЕДОРОВ. Когда вы придете сюда в следующий раз? Какие мне книги подобрать для вас?

НЕКРАСОВА *(смотря в сторону)*. Я... не знаю.

Некрасова подходит к краю сцены и замирает, сцена погружается в темноту. Свет освещает скульптуру. Звучит музыка. Какое-то время Фёдоров и Некрасова стоят, слушая эту мелодию. Некрасова уходит. Федоров, оставшись один, подходит к оставленной на столе книге и бережно проводит по ней рукой. Входит Достоевский.

ДОСТОЕВСКИЙ. Я пришел к вам в последний раз. Сегодня я уезжаю в Петербург. И не знаю, когда я снова сюда приеду. Еще раз простите за все те беспокойства, которые я причинил вам в свой прошлый визит.

ФЕДОРОВ. И вы... вы тоже решили меня покинуть?

ДОСТОЕВСКИЙ *(вздрагивает)*. У вас какая-то утрата?

ФЕДОРОВ. Боюсь, что я встревожил одну молодую особу, к которой питаю самую нежную и сердечную привязанность и она решит более не встречаться со мной... Мы беседовали, спорили, мечтали...

ДОСТОЕВСКИЙ. А ведь я когда-то говорил об этом в «Белых ночах». При столкновении с реальностью возвышенная любовь гибнет. Но она есть великое благо. Одна ее минута искупает многие горести жизни...

ФЕДОРОВ. Возвышенная любовь не умрет, если зиждется на одной цели, на одном устремлении – спасти погибшее, воскресить наших близких.

ДОСТОЕВСКИЙ. О смысле любви мы недавно с моим другом, Владимиром Соловьевым беседовали. Он убежден, что любовь – это стремление к бессмертию.

ФЕДОРОВ. Бессмертие бессмысленно без воскрешения. Любовь к нашим дорогим умершим – вот что объединяет всех нас. Благодаря ей мы восстанавливаем всечеловеческое родство.

ДОСТОЕВСКИЙ. Я хотел сказать вам спасибо. Я теперь вижу, что мой роман будет и о новом родстве, когда дети воскрешают родителей. И я понимаю, что это должно стать грандиозной задачей будущего воскрешения. Такого – какого еще не было в нашей человеческой истории. Все ждет тех самых слов. Талифа Куми. Все замерло в ожидании. *(Пауза.)*

Я тяжело болен. И не знаю, сколько осталось мне... Но спешу доделать начатое. Тот самый роман... Сказано же в Евангелии – будьте как дети. В романе у меня будет так – один ребенок умирает, а другие дети станут участвовать в будущем воскрешении. Юные апостолы...

ФЕДОРОВ. Для ребенка нет чужих – все свои, все родные.

ДОСТОЕВСКИЙ *(наклонив голову, словно к чему-то прислушиваясь)*. Если бы только силы дал Бог на то, чтобы роман закончить. Я его Ане посвящаю. Это мое завещание. «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Отцеубийство должно закончиться воскрешением отцов. И как это сходно с вашими словами. С вашими мыслями...

ФЕДОРОВ. Дай Бог поправитесь.

ДОСТОЕВСКИЙ. Боюсь, что нет... благодарю еще раз за все. Прощайте. *(Уходит со сцены.)*

СЦЕНА ПЯТАЯ

Федоров сидит в своей комнате и пишет письма. Над ним – звездное небо. Он комкает письма и бросает на пол, но они превращаются в маленькие кометы

и взмывают в небо.

Закадровый голос.

ФЕДОРОВ. Дорогая Екатерина Степановна, спешу сказать вам, что очень хотел бы вас видеть и беседовать о вещах важных и нужных, столь необходимых мне и смею надеяться интересных и вам... *(Комкает письмо, оно превращается в комету, которая взмывает в темное небо. Снова пишет письмо, комкает его и опять «отправляет» на небо. Следующее письмо «пишется» на темном небе.)* Написал к Вам, глубоко и искренне уважаемая Екатерина Степановна, до десятка писем – Вы можете видеть их, если

пожелаете, – но послать не решился. Теперь же скажу то же самое в двух, трех словах. Скажу прямо, что питаю к Вашей личности беспредельную, исключительную привязанность. Предан Вам всем сердцем, всей мыслью, всей душой. Во всем этом надеюсь, Вы убедитесь, как только перемените Ваш гнев на милость, о чем я и умоляю Вас. Невыносимо больно мне видеть Вас недовольною, а еще больнее вовсе не видеть Вас. Искренно преданный Вам, Николай Федоров.

Буду надеяться, что Вы не оставите письма моего без ответа.

6 апреля 1880.

Он берет это письмо и закладывает в книгу. Сцена погружается в темноту. Потом раздается тихая нежная музыка. На экране возникает образ сада, мелькают города...

Федоров на сцене сидит за столом, но уже не в своей комнате.

Пишу я вам снова, уважаемая Екатерина Степановна. После ухода из Румянцевского музея заносило меня в разные города... Видел настоящую, не выдуманную, корневую Россию. И могу сказать, что тот материал, из которого образовалось богатырство, аскеты, лихие люди, первопроходцы, прокладывавшие пути в северных лесах, казачество, беглые и так далее, – все эти силы, воспитанные широкими просторами суши и океана, потребуют себе необходимого выхода, иначе неизбежны перевороты и всякого рода потрясения. Ширь Русской земли способствует образованию подобных характеров; наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига. *(Поднимает голову, словно прислушивается к чему-то. Потом снова продолжает писать.)* Как известно вам, я уволился из Румянцевского музея, несмотря на возражения вышестоящих лиц, которые уговаривали меня остаться. Но я решительно сказал им «нет», памятуя о том, что мне нужно время для завершения моего труда. Мне нужно написать развернутый ответ Федору Михайловичу Достоевскому. То, что он – умер, никакого значения для меня не имеет... Я буду ему отвечать так, словно он – живой. Все мы когда-то воскреснем и договорим – начатое.

Федоров встает и подходит к окну, раскрывает его – там мелькают города: Воронеж, Сергиев Посад. Москва, сменяются времена года...

Он возвращается к столу и продолжает писать.

Мои скитания между Воронежем, Москвой и Сергиевым Посадом привели меня в конце концов в Асхабад, где остановился мой старинный друг и соратник Николай Павлович Петерсон вместе со своей семьей. Я пытался

ознакомить окружающую публику со своими идеями, публикуя их на страницах местных газет. Мои идеи подвергались остракизму и насмешкам. Но я верю в то, что идея всеобщего братства и труда найдет в обществе свое признание. Не сейчас. Так через сто лет, не через сто, так через двести...

Федоров встает, захлопывает тетрадь. Собирает вещи в узел и уходит. Звучит снова закадровый голос. На экране – виды Памира, гор, пустыни, верблюдов и путешественников. Пейзаж сменяется русским летом. Потом – осенью, затем – зимой... Наконец экран гаснет, на сцене темно. Федоров сидит в своей комнате за столом.

Пишет письмо.

ФЕДОРОВ. Уважаемая Екатерина Степановна! Был бы рад получить от Вас весточку. Сейчас я чувствую себя не очень хорошо, хотя стараюсь не поддаваться хворям...И надеюсь... *(Поворачивается к двери. Видит Некрасову.)* Это бред или сон наяву?

НЕКРАСОВА *(подходит к люльке)*. Зачем она у вас?

ФЕДОРОВ. Один малый, бывший ученик принес... Он воспринял всем сердцем идею воскрешения, сделал эту люльку вместе с братом и подарил её мне. Для того, чтобы воскресшие мать или отец могли поместиться в ней... Он понял все буквально, что они снова станут младенцами – чистыми и безгрешными...

Некрасова подходит к люльке, склоняется над ней. Федоров подходит с другой стороны и тоже склоняется. Их головы соприкасаются. Потом они садятся на стулья по краям люльки.

НЕКРАСОВА. Что это? *(Достает из люльки чертежи. Потом – модель дирижабля)*.

ФЕДОРОВ. Это сделал один посетитель библиотеки... Константин Циолковский. Он мечтает о полетах в звездные миры. И это его модель межгалактического корабля, который станет рассекать пространства Вселенной.

НЕКРАСОВА. Красиво.

ФЕДОРОВ. А здесь – чертежи... Он ко всему подошел основательно. Все рассчитал... мне приглянулись его мечты: они одновременно конкретны и поэтичны. Я хочу и надеюсь, что он осуществит их, мы... с вами... надеюсь, тоже всё... увидим...

НЕКРАСОВА *(мечтательно)*. Я хочу увидеть все собственными глазами – и полеты в космос, и жизнь на других планетах... А что станет с нами, с людьми, как мы будем все это наблюдать и во что превратимся?

ФЕДОРОВ. Циолковский считает, что мы превратимся в одушевленные атомы и создадим особые звездные тела... А потом...

НЕКРАСОВА (*эхом*). А потом?

ФЕДОРОВ. А потом мы станем лучами энергии и полетим к другим планетам... Не встретившись со своими родными и близкими...

НЕКРАСОВА. Вы в это верите?

ФЕДОРОВ. Но я все же мыслю по-другому, Екатерина Степановна. Мне дорог каждый человек, каждый ушедший. Я не хотел бы воскреснуть в атоме-духе. Мне ближе воскрешение во плоти. Ведь мы помним наших дорогих умерших – отцов и матерей, дедов и прадедов, братьев и сестер... и дальше... всех тех, чьих лиц мы не знаем. Но хотели бы увидеть, признать их своими и разве вы хотели бы разговаривать с бесстрастным атомом-духом?

НЕКРАСОВА. Мою сестру Вареньку я хотела бы воскресить в теле. По-настоящему. С ее милой улыбкой и ясными глазами. Я не могу поверить, что весь этот мир – и солнце, и звезды, и милая Москва, и ее извозчики, и цветущие липы, и июньские травы будут без меня. Мне кажется это ужасно несправедливым. И куда девается любовь, которую мы не успели отдать нашим близким?

Оба молчат. Раздается тихая музыка.

ФЕДОРОВ. Любовь, Екатерина Степановна, имеет столько ликов, о которых мы не знаем. Она везде и во всем. И даже, когда языки умолкнут, она не прейдет вовеки... она такая разная и такая безмерная...

НЕКРАСОВА. Вы берегите себя пожалуйста... прошу вас. Мне – пора, но я приду еще. (*Встает и уходит, не оборачиваясь*).

ФЕДОРОВ (*ложится на сундучок и накрывается одеялом*). Может, это был сон? Ведь не одной мощны ради живет человек. Он живет для звезд, для Бога, для своих близких, для всех, уже ставших близкими... (*Засыпает*).

Свет на сцене гаснет, и она погружается в темноту. Раздается тревожная музыка, которая нарастает и становится все громче. Неожиданно музыка обрывается. И некоторое время царит тишина. Раздается мелодия... Голос Владимира Соловьева, который напевает.

Смерть и Время царят на земле, –
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Свет на сцене тихо гаснет.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ

На декорациях – вверху картина Василия Чекрыгина. Внизу темный город. Слышится перестрелка. Комната Федорова. Входит Никита. Ему уже около шестидесяти лет. Он в красноармейской форме. С ружьем.

Подходит к столу, дотрагивается до него рукой.

НИКИТА. Как странно – столько прошло лет, но здесь все осталось таким, как и было. И никого нет, наверное, хозяева или постояльцы уехали. Я когда подходил сюда, то мне все казалось, что я Николая Федоровича увижу, что он меня окликнет. Скажет... Никитушка... Таким заботливым и ласковым голосом... И один раз даже показалось, что он меня позвал, но нет... всего лишь показалось... Здесь никого нет, и можно отдохнуть... *(Пауза.)* Завтра в бой. Нужно выбить юнкеров из Кремля и утвердить нашу власть. Советскую. Вся власть советам. Но вот как завтра... убивать? *(Садится за стол, ставит рядом ружье.)* Я так и не смог убить в первый раз... там... на войне. На меня глянули два горячих карих глаза, похожие на глаза моего брата Саньки. Рука дрогнула, и пуля прошла мимо. А вот второго я убил. Я его убил, потому что иначе – он убил бы меня... У него еще нога смешно подрагивала. Как будто бы он танцевать хотел. Но после моего выстрела он уже лежал, и ему было не до танцев... *(Закрывает лицо руками, плечи вздрагивают.)* Как же я мог... Как? Вот Николай Федорович бы меня отругал... Но если я его воскрешу, того, мной убитого, тогда эта смерть не будет считаться. Воскресить надо. Воскресить... *(Развязывает мешок. И достает оттуда тетрадь.)* Так и не смог с ней расстаться. Везде таскал. Выпадет свободная минутка – читаю... Жаль только, что Николаю Федоровичу я уже ничего сказать не могу. Нет его... *(Крутит головой.)* Так странно. Столько говорил о бессмертии, а сам умер. Но ведь это не взаправду. А понарошку. Ведь на самом деле люди не умирают. Иначе зачем эти войны. Без воскрешения... И жизнь – зачем?

Если бы я мог сказать ему, что я стал человеком, не бросил учебу... наверное, он бы меня похвалил... Работал на фабрике, потом снова подался в село. Трудился на земле. Потом началась война. Но это все не то... *(Раскрывает тетрадь.)* Старался доставать книги Николая Федоровича, которые выходили, покупал их и читал. Мой старший сын – тоже этими идеями увлекся. Прослышал про некоего ученого Константина Циолковского, даже ездил к нему, общался. Старший стал учителем. Уважаемым человеком. Я в эту

тетрадь разные мысли переписываю. Дорогого Николая Федоровича, а вот – из Циолковского... (*Читает.*)

«Грядущие тысячи и миллионы лет усовершенствуют природу человека и его общественную организацию. Могущественному населению высшей планеты каждой солнечной системы будут доступны не только планеты этой системы, но и все околосолнечное пространство». Здорово как! (*Прислушивается. На улице усиливается перестрелка.*) Для того, чтобы посетить другую планету или солнечную систему, понадобится путешествие длиной в тысячу лет, но столько и будут жить жители будущего. Тысячи и тысячи лет. И все пространство между солнцами заполняет светоносный эфир, делающий материю и Вселенную непрерывной»...

Раздается звук. Словно кто-то скребется в дверь.

НИКИТА. Кто там? (*Молчание. Повторяет уже громче.*) Кто там? Если вражина, то выходи.

Открывается дверь, входит женщина. Это Арина. Ей уже около семидесяти лет.

АРИНА. Это я...

НИКИТА. Кто я?

АРИНА. Арина.

НИКИТА (*вглядывается*). Арина? Я вас помню. Правда, плохо. Мы с вами кажется, встречались здесь, около дома Николая Федоровича. И не один раз. Никита я.

АРИНА (*эхом*). Встречались...

НИКИТА. Здравствуйте, Арина! Как ваша жизнь сложилась? У вас тогда еще ребенок умер.

АРИНА. Да. Умер. Но после жизнь сложилась неплохо. Я замужем была. С мужем моим Макаром Афанасьевичем можно сказать сама судьба свела. Встретились мы в Оптиной пустыни в первый раз. Потом расстались. А когда снова случайно столкнулись в городе, поняли, что нам друг от дружки никуда не деться. Так и жили мы. Хорошо жили. Трое деток у нас. Макар Афанасьич уже помер. Царствие ему Небесное. Детишки выросли. Внуки уже есть. А я стара стала. (*Пауза*) Николай Федорович мне надежду тогда дал. На воскрешение. Так я и жила с этой надеждой. Помогала она мне по жизни.

Подходит к столу, натывается на ружье.

АРИНА. Ой! Что это?

НИКИТА. Ружье. Разве не видишь?

АРИНА. Вижу. Моего брата недавно убили.

НИКИТА. Кто убил?

АРИНА. Не знаю. (*Садится за стол.*) Нет его. А ты как?

НИКИТА. Завтра в бой.

АРИНА. Страшно!

НИКИТА. Я об этом не думаю. Ты зачем здесь?

АРИНА. Пришла сюда... увидела, что свет горит и подумала: Николай Федорович здесь. Понимаю, что блажь, но ноги сами понесли. А тут ты. Так он складно, так хорошо о воскрешении говорил. Я так и представляю, как мой Ванечка воскресает. ... Когда я на могилку к нему хожу, то думаю об этом. Так все и вижу. Как воочию.

НИКИТА. Значит, помнишь ребятенка своего до сих пор?

АРИНА (*протяжно*). Как же забыть! Помню...

НИКИТА. Это хорошо, Николай Федорович говорил, что помнить – это очень важно. (*Листает тетрадь и читает.*)

«Вопросы о родстве и смерти находятся в теснейшей связи между собой: пока смерть не коснулась существ, с которыми мы сознаем свое родство, свое единство, до тех пор она не обращает на себя нашего внимания, остается для нас безразличною; а с другой стороны, только смерть, лишая нас существ, нам близких, заставляет нас давать наибольшую оценку родству, и чем глубже сознание утрат, тем сильнее стремление к оживлению...»

Арина подпирает щеку рукой и плачет.

НИКИТА. Ты чего плачешь?

АРИНА. Ну не буду (*Шепотом.*) Продолжай, продолжай...

НИКИТА. «Всеобщее воскрешение есть полная победа над пространством и временем».

АРИНА. Значит, это – будет?

НИКИТА (*убежденно*). Будет. Вот только врагов разобьем.

АРИНА. А старец наш говорил, что у человека один враг – смерть.

НИКИТА. Да... (*Задумывается. Выстрелы раздаются совсем рядом.*) Я пойду посмотрю, что там. А ты сиди здесь и жди меня.

Берет ружье и уходит.

АРИНА. Страшно как! Когда сюда шла, думала, что вот пуля пролетит – и жизнь моя оборвется... (*Берет тетрадь.*) Попробую прочитать. Чижевский Александр. (*Читает медленно, торжественно.*)

Ночные небеса в сиянье тайном звезд

Роднят меня с тобой сквозь бег тысячелетий.

Все те ж они, как встарь. И те ж миллиарды верст

Разъединяют нас. А мы – земные дети –

Глядим в ночной простор с поднятой головой,

Хотим в сиянье звезд постичь законы мира,

Соединив в одно их с жизнью роковой

И тросы протянув от нас до Альтаира.

Я, как и ты, смотря на лучезарный хор,

Стараюсь пристально проникнуть в сочетанья

Живой мозаики, хочу понять узор

Явлений жизненных и звездного сиянья.

Для нас с тобою мир – родное существо,

Столь близкое душе, столь родственно-простое,

Что наблюдать за ним – для мысли торжество,

И радостно будить молчанье вековое

В туманностях, во мглах, во глубине земной

И в излучениях – солярном или звездном,

Вскрывать покрытые глухою пеленой

Перед невеждами – космические бездны.

Для нас едино – всё: и в малом и большом.

Кровь общая течет по жилам всей вселенной...

За сценой раздается громкий выстрел и пронзительный крик Никиты: МАМА!

Арина цепенеет, захлопывает тетрадь и встает.

АРИНА. Кажется, Никитку убили... *(Опускается на стул.)* Но как же так! Был человек и нет его... *(Развязывает платок на голове, потом снова – повязывает.)* Наверное, надо сходить и принести его сюда, негоже там на улице под снегом лежать... *(Прислушивается.)* Вроде бы все ушли, и я могу пойти за ним...

Уходит со сцены. Через некоторое время появляется снова, волоча безжизненное тело по сцене за собой.

АРИНА. Какой тяжелый... *(Дотаскивает его до стула.)* И что мне с ним делать? Какие кладбища сейчас? В это время? Разве найдешь кого?.. Священника тоже не найдешь! А выглядит как живой. Кажется, вот-вот сейчас заговорит. Такой веселый был когда-то малец, несмышленьш. Если бы Николай Федорович перенесся сюда и увидел своего ученика мертвым, что он сказал бы на это? Вдруг он живой? *(Всматривается в лицо.)* Вроде дышит али нет? ... А если его согреть? Вдруг он оживет, очнется... *(Садится на стул, Никита лежит на руках. Арина наклоняется к нему, баюкает.)* Вдруг он сейчас глаза откроет?

Раздается тихая скорбная музыка. Арина выпрямляется и сидит в позе Пьеты.

Свет гаснет.

ЭПИЛОГ

Входят двое молодых людей. Девушка и юноша. Они одеты в свободные одежды светлого цвета.

ДЕВУШКА. Привет! Как хорошо, что экзамены – позади.

ЮНОША. Ты куда поступаешь?

ДЕВУШКА. В академию космических наук. На отделение Небесной философии. А ты?

ЮНОША. Туда же. Только на отделение Небесной механики.

ДЕВУШКА. Но философию сдают везде. Ведь это одна из самых важных наук о мире и человеке.

ЮНОША. Какой у тебя был билет?

ДЕВУШКА. Я вытянула билет по Федорову. Великий был мыслитель. Он говорил о рае и о небе, но не как о чем-то отвлеченном, а о рае, где будут жить все воскресшие и когда-либо жившие на нашей земле. Он предлагал людям стать соработниками Бога. В деле воскрешения человечества. ... Каждый когда-либо ступавший по земле имеет право возродиться вновь – пусть травы уже не те и воды потускнели, но человек все тот же – так же чувствует, любит и мечтает, также проникает мыслью в непознаваемое... И в этом его величие и залог бессмертия... Только поднимаясь к Богу, он обретает себя, уподобляется нашему Спасителю, пострадавшему за всех... (*После небольшой паузы.*) А у тебя какой был билет?

ЮНОША. О Достоевском, гениальном писателе и провидце. Он спустился в ад и увидел там слезинку ребенка. А также красоту, которая призвана спасти мир... Любовь победит все. Даже Великого Инквизитора. Я сдал и второй предмет. Небесную физику. У меня был билет по Циолковскому. Расчет ракеты, которая полетит в самые дальние звездные галактики. И еще... Каждый школьник сейчас пишет историю своего рода и готовится к воскрешению родных. Ученики соревнуются, кто больше найдет фактов и историй о прошлом, которое живо также, как и настоящее. Наконец-то человечество победило линейное время и вступило в подлинную вечность. Наша Земля стала ковчегом и космическим кораблем, мы летим во вселенной навстречу новым мирам.

ДЕВУШКА. Да... Мы летим в туманность Андромеды, в мир, где Эра Встретившихся Рук.

Юноша поднимает вверх ладонь.

ЮНОША. Мне только что поступил сигнал, что на Марсе расцвели яблони.

ДЕВУШКА. Как здорово. Значит, будет урожай яблок.

ЮНОША. Иногда мне хочется вспомнить, как все начиналось...

Они походят к занавесу и раздвигают его.

В темноте возникают фигуры Федорова. Толстого, Достоевского, Соловьева, Циолковского, Некрасовой, странника Макара. В центре – Арина с мертвым Никитой на руках. На нее падает свет. Над всеми темное звездное небо. На экране появляется Гагарин перед полетом. Он говорит: Поехали! Один, два, три... В космос взмывает ракета...

АРИНА (*делает глубокий вздох и повторяет громко*). **ПОЕХАЛИ! ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ**

При этих словах разгибаются пальцы Никиты. Он оживает... сцена погружается в темноту, а когда свет вспыхивает, то все фигуры ожили... Они берутся за руки и подходят к рампе.

Раздается ликующий хор. На темном звездном небе – возникают огненные вихри. И с каждым огненным вихрем – в небе воскрешается лучистое человечество, уходя

в бесконечность...

Занавес